

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
ПАВЕЛ АСТАХОВ

КРЕ ДИТ ДОВЕРЧИВОСТИ

ДЕЛА СУДЕБНЫЕ

Дела судебные

Татьяна Устинова

Кредит доверчивости

«ЭКСМО»

2012

Устинова Т. В.

Кредит доверчивости / Т. В. Устинова — «Эксмо», 2012 — (Дела
судебные)

ISBN 978-5-699-69209-5

Тема, затронутая в новом романе самой знаковой писательницы современности Татьяны Устиновой и самого известного адвоката Павла Астахова знакома многим не понаслышке. Наверное, потому, что история, рассказанная в нем, очень серьезная и болезненная для большинства из нас, так или иначе бравших кредиты! Кто-то выбрался из «кредитной ловушки» без потерь, кто-то, напротив, потерял многое – время, деньги, здоровье!.. Судье Лене Кузнецовой предстоит решить судьбу Виктора Малышева и его детей, которые вот-вот могут потерять квартиру, купленную когда-то по ипотеке. Одновременно ее сестра попадает в лапы кредитных мошенников. Лена – судья и должна быть беспристрастна, но ей так хочется помочь Малышеву, со всего маху угодившему разом во все жизненные трагедии и неприятности! Она найдет решение труднейшей головоломки, когда уже почти не останется надежды на примирение и благополучный исход дела...

ISBN 978-5-699-69209-5

© Устинова Т. В., 2012

© Эксмо, 2012

Татьяна Устинова, Павел Астахов

Я – судья. Кредит доверчивости

© Астахов П. А., Устинова Т. В., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

*Законы нужны не только для того, чтобы устрашать граждан,
но и для того, чтобы помогать им.*

Вольтер

Пятно на потолке очертаниями напоминало Австралию.

Еще вчера оно пульсировало мутной водой в районе Сиднея, а сегодня успокоилось, подсохло и приобрело весьма благообразный вид далекого континента.

Надежда Степановна залила нас четвертый раз...

Я, конечно, немедленно сообщила ей эту радостную новость, но соседку, живущую этажом выше, она не впечатлила.

– Капремонт в доме когда последний раз делали? – попыхивая мне в лицо сигаретным дымком, спросила она.

– Не знаю, – честно призналась я.

– А вот я знаю. Наш дом аварийный. Практически... Впрочем, хотите триста рублей за побелку?

Триста рублей меня не спасли бы, поэтому я сказала, что не хочу.

– Ну вот и ладненько. – Надежда Степановна стряхнула пепел за порог, к моим тапкам. – Я знала, что мы по-хорошему договоримся. О'ревуар!

– О'ревуар, – пробормотала я хлопнувшей у меня перед носом двери.

Конечно, можно было поскандальить с соседкой и доказать, что она залила меня вовсе не из-за того, что дом аварийный, а по собственной халатности, но...

Но даже если Надежда Степановна оплатит мне стоимость натяжного потолка, проблему это не решит.

Спустившись в квартиру, я прошлась по комнате, заглянула на кухню и в ванную, обследовала узкий коридор...

Обои свисали кое-где клочьями, линолеум от старости пошел трещинами, словно земля после засухи, краска на стенах в ванной вздыбилась пузырями, и пузыри эти периодически лопались, обнажая темное устрашающее нутро...

Что там какая-то Австралия на кухонном потолке... Мелочь. Пустяк, который в масштабах общего разрушения не имеет никакого значения.

Я налила себе чай и задумалась.

Так больше жить нельзя. Такие квартиры, как у меня, показывают в сюжетах о неблагополучных семьях – тут подтек, там сломано, здесь ободрано...

Сашка неделю назад мне сказала:

– Мам, мы живем как бомжи.

Тогда я обиделась, а теперь поняла – мы живем как бомжи, это установленный факт. И Надежда Степановна тут ни при чем.

Нужно делать ремонт – срочно, немедленно, пока на голову не посыпалась штукатурка, пока сантехника окончательно не пришла в негодность, а стены в ванной не заросли черной

плесенью от постоянной, удушающей влажности, свойственной старым, «практически аварийным» домам...

Я допила чай, налила еще чашку, но, оставив ее, опять прошлась по квартире, прикидывая, в какие деньги мне обойдется хотя бы минимальное устранение следов «аварийности» в моем жилище.

Получалось – в немалые...

Даже если не покупать кафель, не менять двери и окна, то сантехника, новые трубы, линолеум, обои и краска вылетят в копеечку... Плюс оплата рабочим, потому что сама я линолеум не постелю, а уж тем более трубы не поменяю.

Стало вдруг до слез обидно – ну почему я должна вкладывать кровно заработанные в служебную квартиру? Почему должна менять казенные трубы, казенную сантехнику, стелить на казенный пол свой линолеум?..

Словно в насмешку над своими нерадостными мыслями, споткнулась о загнувшийся край линолеума, едва не упав.

Забытый на столе чай безнадежно остыл, и я раздраженно вылила его в раковину.

Вывод напрашивался один: пока Сашка изучает язык в английской семье по программе международного обмена школьников, мне нужно сделать хотя бы самый дешевый ремонт – побелить, покрасить, наклеить обои, содрать старые клочки линолеума и постелить новый.

Ничего, без рабочих справлюсь, по выходным начну отдирать обои и сбивать старую штукатурку... Ну, в будни – по вечерам – напишу пару статей в «Вестник РГГУ», а на гонорар куплю шикарный тюль и портьеры из тяжелой струящейся тафты вместо простых голубых занавесок.

А трубы в казенном доме пусть дальше ржавеют, гниют и разваливаются, шут с ними. Меня это не касается, я просто приобрету специальный состав от плесени и обработаю в ванной стены – кажется, есть такой, я где-то слышала...

Я вдруг почувствовала отчаяние и обиду – оттого что квартира служебная и глупо затевать полноценный ремонт, оттого что Сашка так далеко и не может прямо сейчас сказать: «Мам, не расстраивайся, ведь главное – нам не приходится снимать за бешеные деньги жилье», оттого что... на потолке, в районе Сиднея, снова набухла и грозит разразиться потоком мутной воды крупная, размером с грецкий орех, капля...

Я схватила тазик, поставила его под Австралию и, снова споткнувшись о злосчастный край линолеума, побежала к Надежде Степановне.

Она открыла дверь, по-прежнему попыхивая сигаретой, с чашкой кофе в руке. Макияж и прическа у соседки были такие, будто сейчас не семь утра, а десять вечера и она собралась на великосветский прием.

– Все, все, воду я уже перекрыла и аварийку вызвала, – поспешно сообщила Надежда Степановна. – Свищи в трубах! Дом-то аварийный, как ни крути...

Она захлопнула дверь, а я поплелась вниз, ощущая новый прилив горечи и раздражения. Казенный дом – с жильцов взятки гладки. Бели не бели, Австралия на моем потолке поселилась, похоже, навсегда...

Я мысленно представила, как Сашка говорит мне: «Не грузись, мам!» Универсальный рецепт для всех жизненных неурядиц – «не грузись!». Главное, все живы, здоровы...

Стараясь выбросить из головы мысли о предстоящем ремонте и «вечном потопе», я села перед зеркалом – до работы оставалось всего ничего, и нужно было привести себя в порядок: причесаться, накраситься и ликвидировать следы озабоченности на лице... Пудра, тушь и немного губной помады всегда были гарантом хорошего настроения. Но как я ни старалась в этот раз, мысли все равно возвращались к бытовым проблемам, тем более что на кухне вода все еще звонко капала в таз.

Вот если бы у меня была своя квартира... Если б своя!

Я внимательно всмотрелась в свое отражение в зеркале. Неужели такое когда-нибудь будет? У меня – собственная квартира. Свои окна, свои двери, свои стены, свой потолок и пол. Соседи свои, а не служебные, пыхтящие сигареткой...

И дом, нисколечки не аварийный, а надежный, крепкий, практически новый дом, которому еще долго не понадобится капитальный ремонт. Без плесени в ванной, без пузырящейся краски на стенах, без свищей в трубах, без перекошенных дверей...

Завороженная этой мыслью, я забыла накрасить глаза, взяла сумку и вышла из квартиры, почти ненавидя этот узкий коридор и заедающий замок. А ведь еще недавно я радовалась служебному жилью как подарку судьбы... Еще недавно я подсчитывала сэкономленные на съеме жилплощади деньги и обещала Сашке: «Теперь заживем!»

Своя квартира – не роскошь, а жизненная необходимость, как воздух, вода, еда, любовь близких...

У меня, конечно, не семеро по лавкам, но жизнь не стоит на месте. Вот выскочит Сашка через несколько лет замуж, и что?

Я замерла у машины, представив, как прекрасный, но бедный юноша – не сомневаюсь, что Сашка выберет именно такого, – поселится на тридцати квадратах служебной площади и будет путаться у меня под ногами, разумеется, полуодетый, и занимать ванную, разумеется, на час, и, не дай бог, петь там дурным голосом, и, разумеется, лазать в мой холодильник за борщом и котлетами, и щелкать каналами, заняв на диване мое любимое место.

А потом непременно родится внук или внучка. А может быть, оба сразу или один за другим... Им тоже понадобится жизненное пространство, и не бабушкино, и уж тем более не служебное, а свое – свое! Где разрешат рисовать на обоях картины, разбрасывать игрушки, играть в догонялки и прятки, завести наконец собаку и куда без стеснения можно пригласить на день рождения друзей, чтобы весело задуть на праздничном торте свечи...

Я решительно села в машину и завела со злостью движок.

Не хочу прекрасного, но бедного юношу на своей территории.

Не хочу, чтобы внуки, близняшки или погодки – я почему-то решила, что именно такими они и будут, – ютились на тридцати квадратах служебной площади без перспективы иметь собственную комнату, завести собаку и пригласить друзей...

У Сашки должен быть свой угол, свое жилье, она не должна ни от кого зависеть – ни от меня, ни от юношей, – она должна быть свободной и уверенной в завтрашнем дне. И пусть я не очень хорошая мать – вечно занятая работой, вечно спешащая и опаздывающая, приходящая поздно и уходящая рано, – но квадратные метры личного счастья я обязана ей обеспечить.

Ремонт я, конечно, сделаю – недорого.

Но... почему бы мне не попробовать взять ипотечный кредит?

Выкручиваются же люди, зарабатывают на квартиры. Чем я хуже? Ежемесячный взнос будет чуть больше той суммы, что я платила за съемное жилье, значит, сам бог велел воспользоваться тем, что мне дали служебную жилплощадь, и вполне можно вложить освободившиеся деньги в ипотеку...

Придется затянуть пояса – и мне, и Сашке, – но ради такого...

Я вырулила на проспект, переключилась на третью передачу, но «Хонда» шла тяжело, с натугой – будто груженный «КамАЗ» на буксире тащила. То есть на первой передаче она еще кое-как ехала, а на второй и третьей упиралась, как упрямый осел. Солнце нещадно палило, несмотря на раннее утро, это грозило закончиться, как пить дать, перегревом движка и закипанием радиатора.

После ремонта с моей «Хондой» случались поломки, которые, как говорится, «на скорость не влияли», а тут вдруг что-то решительно повлияло.

Я перестроилась в правый ряд и притормозила у обочины. Вышла из машины и повела себя в соответствии со всеми анекдотами на тему «женщина за рулем» – попинала колеса, протерла зеркала заднего вида.

Ипотека...

Какая уж тут ипотека, когда все рушится, валится, протекает и ехать не хочет. Давно надо было забить в мобильник номер эвакуатора, да все руки не доходили...

Вот, допрыгалась.

Вздохнув, я открыла капот. С таким же успехом я могла бы заглянуть в атомный реактор, чтобы предотвратить расплавление топливного стержня. Внутренности «Хонды» наводили на меня почти священный ужас, максимум, что я могла, – проверить уровень масла и ремень генератора. И то и другое оказалось в норме, на месте, в порядке...

Выхода было два – или ползти до работы на первой передаче с риском воспламениться, или искать номер эвакуатора. Впрочем, эвакуатор мог заменить один человек, он давно ассоциировался у меня со службой спасения.

Я достала телефон и позвонила.

– Константин Сергеевич? Кажется, мне опять нужна твоя помощь...

– Проблемы? – громыхнул сзади раскатистый бас.

Я оглянулась и увидела гаишника размером с Кинг-Конга.

– Потом перезвоню, – шепнула я Таганцеву в трубку и отключилась.

– Я говорю, барышня, вы чего посреди дороги-то раскорячились, движению мешаете?

Проблемы?

Я хотела объяснить, что я не барышня, а судья, что я не «раскорячилась» посреди дороги, а прижалась к обочине, что техосмотр и страховка у меня в порядке, машину не угнала, она просто ехать не хочет, что...

Вместо этого я пробормотала нечто невразумительное.

– Понятно, – кивнул гаишник и, согнувшись в три погибели, нырнул под капот. – Не «Бентли», конечно, но ехать должна, – задумчиво сказал он, осмотрев внутренности «Хонды».

– Не хочет, – пожаловалась я, заметив сочувствие в его взгляде. – То есть на первой еще кое-как, а на второй и третьей...

Я села за руль и продемонстрировала, как едет моя машина. Вернее, как не едет.

Когда я остановилась, гаишник с трудом протиснулся в салон.

– С ручника пробовали снимать? – он с жалостью посмотрел на меня.

– А... э-э... то есть... как... разве?... – промямлила я.

– Попробуйте. Легче пойдет.

Он вылез из машины, козырнул и ушел, небрежно постукивая полосатым жезлом по ноге. Его широкая спина и бритый затылок выражали презрение...

Я достала из сумки мятный леденец и сунула под язык.

Мысли об ипотеке и ремонте так выключили меня из действительности, что я метров пятьсот ехала на ручнике.

Хорошо еще, что эвакуатор не вызвала.

А еще лучше – не успела Таганцева вызвать. Это был бы номер. Разговоров до конца дней моих скорбных!..

Я отжала ручник, тронулась с места и без труда вписалась в поток. «Хонда» больше не упиралась, легко маневрировала и набирала скорость.

Что ж, как минимум траты на ремонт если не исключаются, то откладываются на неопределенный срок.

Едва я привыкла к этой счастливой мысли, как перед глазами всплыла рекламная растяжка: «Новые квартиры в ипотеку в Павшинской пойме. Время брать! Низкие ставки. Бесплатное рассмотрение и досрочное погашение».

Я почувствовала, как сердце учащенно забилося, и ударила по тормозам.

Вот почему, стоит только о чем-то подумать, как напоминание об этом начинает подкарауливать тебя на каждом углу, словно провоцируя – сделай это, сделай! Не думай, не просчитывай риски, просто сделай – и все, а там видно будет...

Время брать! Время брать... Сорок квадратов, нет, шестьдесят или семьдесят – с расчетом на Сашку, ее полуобнаженного юношу и риск появления внуков. Учитывая, что я сама еще крест на своей личной жизни не поставила, лучше бы сто двадцать квадратов, но это из области фантастики – сто двадцать я не потяну, даже учитывая низкие ставки.

В Павшинской пойме купили недавно квартиру мои друзья Машка с Павликом. Хвастались – и воздух там чистый, и дороги хорошие, и лифт всегда работает, и ТСЖ – честное-предчестное! – не дурит, не мухлюет, благоустройством территории занимается.

Ну почему мне попалась реклама квартир именно в этой пойме! На другую я, может, и внимания бы не обратила.

...Я очнулась от того, что водители истерично сигналили мне и, проезжая мимо, стучали себя по лбу. Оказалось, я еду посреди полосы со скоростью двадцать километров в час. Стоило с ручника сниматься...

Я поддала газу и перестроилась в левый ряд. В сумке разрывался мобильник: наверное, Таганцев хочет уточнить, какого рода помощь мне нужна. Я решила не брать трубку – врать не хотелось, а честно признаться, почему звонила, смелости не хватало. Рассосется как-нибудь и само собой пройдет, как любит говорить моя подруга Маша. Таганцев замнется и забудет, что я просила у него помощи.

* * *

«Время брать!» – стучал молоточками в голову рекламный слоган, когда я парковалась возле здания суда рядом с блестящим на солнце «Фольксвагеном» своего помощника.

«Да, Димка, наверное, никогда не забывает снять своего коня с ручника, – с грустью подумалось мне. – И ремонт у него идеальный... И ипотека ему не нужна, потому что квартиру родители подарили!

Ну и пусть, – размышляла я, втискиваясь в узкую щель, – зато Дима не взбодрится, как я, от рекламного слогана «Время брать! Низкие ставки...» То, что легко достается, не ценится, и мой помощник наверняка не ощущает эйфории от того, что живет в собственной квартире, ездит на новой машине и ему не надо ликвидировать Австралию на потолке.

Я с трудом вылезла из машины, стараясь не свернуть зеркало на «Фольксвагене». Если Дима захочет съездить куда-нибудь в течение рабочего дня, он, пожалуй, не сможет открыть дверь.

Я задумалась – не перепарковаться ли, нельзя же парню такие трудности создавать. И тут в сумке снова зазвонил мобильный. К моему удивлению, на дисплее высветилось не «Таганцев», а «Натка» – моя сестра.

– Ленка, я погибла, – трагически сообщила она, едва я успела снять трубку.

Погибала Натка с регулярностью два раза в месяц, поэтому ее сообщение меня не впечатлило.

– Жена твоего нового кавалера грозитя оторвать тебе голову? – усмехнулась я, испытывая облегчение, что это не Таганцев.

– Ленка! – сдавленным голосом повторила Натка. – Если ты мне не поможешь, меня убьют!

– Брось его, – посоветовала я.

– Кого?

– Того, чья жена хочет тебя убить.

Я собиралась нажать отбой, но Натка истошно закричала:

– Леночка, это не то, что ты думаешь! Меня преследуют, за мной следят, и не какая-то бывшая, а настоящие бандиты!

– Господи, ты увела у жены бандита?..

– Не придируйся, Лен, – Натка едва не плакала, и это было что-то новенькое. Любовные перипетии не выводили ее из себя, она была закаленная, умела держать удар, и никакие козни бывшей, даже бандитской, жены не смогли бы выдавить из Натки слезу – только азарт и желание до конца сражаться за любимого.

– Что случилось? – спросила я, слушая приглушенные всхлипы.

– Лен, я не могу по телефону... Приезжай во «Флоренцию», это рядом с твоим судом, ну, ты знаешь...

– Нат, я только что на работу приехала, даже зайти не успела...

– Ну, значит, меня убьют.

Натка отключилась, а я застыла на месте.

«Ну, значит, меня убьют». Сестра так буднично, так убежденно это сказала, что я ей вдруг поверила. Даже если ее не убьет, а только чуть-чуть ранит чья-нибудь жена, мне это не понравится...

Я набрала номер своего поклонника.

– Дима, я не смогу сейчас подойти... Срочное дело, приеду минут через сорок.

– Хорошо, – невозмутимо ответил Дима.

– Если Плевакин спросит, скажите... что меня вызвали в квалификационную коллегию.

– Хорошо.

Интересно, если бы я попросила передать Плевакину, что улетела в Австралию, мой невозмутимый помощник тоже бы сказал «хорошо»?

Протиснувшись за руль, я отжала ручной тормоз и только после этого завела движок и нажала на газ.

Кафе, в котором Ната назначила встречу, находилось буквально за углом, и через пять минут я была там.

После яркого уличного солнца и жары мне показалось, что в зале темно и прохладно.

Я зашла, огляделась, но Натку нигде не увидела. За столиками сидел типичный «офисный планктон», «белые воротнички», или как там сейчас называют размеренных молодых людей, не спешащих с утра на работу, а неторопливо попивающих сок или кофе с многозначительно-равнодушными лицами.

Кто-то из них почитывал газетку, кто-то разговаривал по мобильному, а кто-то просто глазел в окно на оживленную улицу, но все точно были здесь завсегдатаями, потому что с официантами обращались по-свойски, то и дело кивали кому-то, здороваясь, и называли друг друга по именам.

Наверное, я выглядела в этом чинном курятнике как дикая утка, сбившаяся с курса при перелете на юг: растрепанная, взмокшая от жары – кондиционер в моей «Хонде» отродясь не работал, – а главное, с толстым портфелем, из которого норовила вывалиться кipa бумаг.

Дела в машине я никогда не оставляла, даже если выходила всего на секунду, даже если при этом требовалось выглядеть веселой и беззаботной леди, – портфель с документами всегда находился при мне. Это было железное правило, твердый принцип и мой женский каприз, если хотите. Меня не волновало, что при этом думают обо мне посторонние, но сейчас я почувствовала себя неуютно от многочисленных любопытных взглядов.

Будто планктон толстых портфелей никогда не видел. И деловых женщин...

Я взяла себя в руки, поправила волосы и внимательно огляделась еще раз.

Натки нигде не было.

Она не пила сок, не потягивала кофе, не глазела в витрину, она просто не пришла, сорвав меня с работы!

Чувствуя, как закипаю от злости, я села за свободный столик, бухнула портфель на стул и набрала Натку, с таким остервенением нажимая кнопки мобильного, что в глазах проходящего мимо официанта мелькнуло беспокойство.

– Что будете заказывать? – остановился он возле меня.

– Пока ничего, – буркнула я, схватила портфель и вышла из кафе, сбросив вызов, потому что в трубке, словно в насмешку, звучали короткие гудки.

Салон в «Хонде» раскалился, как турецкая баня. Я стерла с губ расплывшуюся помаду, сосчитала до десяти, чтобы успокоиться, и снова набрала сестру. Если опять будет занято, уеду немедленно, и больше никакими мольбами Натке не удастся меня выманить, чтобы поведать, кто и за что ее собрался убить.

Сестра ответила сразу, невинным голосом, будто не трепалась с кем-то секунду назад, находясь на мушке у киллера.

– Ты где?! – заорала я. – Я сбежала с работы, а ты...

– Лен, я в кафе, как и договаривались, – заговорщицким шепотом сказала сестра. – Чего ты кричишь?

– В каком кафе, я только что была там!

– Лен, я сижу за фикусом.

– Что?!

– Зайдешь в кафе, посмотри налево, там фикус, за фикусом – я.

Я сорвалась с места, не забыв портфель, забежала в кафе и, наплевав на многочисленные взгляды, которые из любопытных превратились в откровенно насмешливые, бросилась к здоровенному фикусу в углу.

И замерла.

За уединенным столиком, спиной ко мне, сидела сгорбленная тетка в толстенной вязаной кофте, при одном взгляде на которую в такую жару становилось дурно.

Я развернулась, чтобы уйти, но вдруг услышала жалобное, тихое:

– Ле-ен...

Обернувшись, я узнала Натку, несмотря на темные очки, скрывавшие пол-лица, и непривычную прическу – убранные в тугой узел волосы. Старомодную кофту она надела поверх легкомысленного топики и короткой юбки. Такое смешение стилей делало Натку еще более приметной и запоминающейся, но сестрица, похоже, об этом не подумала.

Я огляделась, прикидывая, куда бы сунуть портфель, наконец поставила его под стол и села напротив Натки.

– Что за маскарад? – раздраженно спросила я.

– Тихо... Говорю же, меня могут убить...

Натка испуганно огляделась по сторонам, хотя из-за фикуса нас никто не мог видеть.

У стола вдруг вырос официант – бесшумно и незаметно, словно соткался из воздуха.

– Что заказывать будем? – спросил он меня с таким видом, будто ожидал, что я опять выбегу из кафе.

– Два двойных эспresso, – улыбнулась я, даже не заглянув в меню. – Обязательно из смеси зерен эфиопской и никарагуанской арабики средней обжарки и немного робусты.

Сильно озадаченный официант ушел, а Натка, через стол нагнувшись ко мне, зашептала:

– Лен, я понимаю, что веду себя иногда как дурочка, но на этот раз все очень серьезно.

Мне действительно угрожает опасность! На меня бандиты наехали.

– Что ты натворила?

– Ничего.

– Тогда почему они наехали? Насколько мне известно, бандиты просто так не наезжают, если только у тебя нет какого-нибудь криминального бизнеса.

– Говорю же, ничего я не натворила! И бизнеса у меня нет, ни криминального, никакого!

– Не тяни кота за хвост, Натка, у меня времени мало. Ты можешь внятно сказать, что от тебя требуют?

– Деньги!

– За что?

Натка нервно сглотнула, взяла со стола какой-то журнал, пролистала его, пряча от меня глаза, и только потом сказала:

– За кредиты. С процентами!

– Ты брала кредиты?! – от возмущения я даже привстала. – И не думаешь их возвращать?!

– Не брала я ничего! – Журнал выпал у Натки из рук, она подняла его и со слезами в голосе выкрикнула: – Не брала! Хоть раз в жизни ты можешь мне поверить?!

Почему-то я ей поверила.

Напялить нелепую кофту в такую жару, соорудить «учительскую» прическу, закрыть лицо очками и спрятаться за фикус Натку могли заставить только чрезвычайные обстоятельства. Я видела, как дрожат ее руки, слышала слезы в голосе – а может, они и на самом деле были под темными очками, эти слезы, – и понимала, что моя взбалмошная, непутевая, легкомысленная сестрица вряд ли способна разыграть такой тонкий спектакль.

Мне вдруг стало очень жаль ее.

Я отобрала у нее журнал, который она терзала наманикюренными пальчиками, и мягко спросила:

– Нат, что ты в последнее время покупала?

– В смысле? – удивленно посмотрела она поверх очков.

– Ну, что-нибудь крупное, не знаю, – плазменный телевизор, «Мерседес», виллу на Багамах...

– Издеваешься? – Из-под очков в кофе закапали слезы. – Из крупного я в последний раз покупала тональный крем «Ланком».

Официант принес кофе – крепкий, ароматный эспрессо, я уж не стала уточнять у него степень прожарки зерен. Наверное, он хотел спросить, не желаем ли мы чего-то еще, но, наткнувшись на мой колющий взгляд, быстро ушел.

– Нат, я к тому, что, может, ты взяла пару кредитиков и просто про них забыла?

– Я так и знала, что ты считаешь меня идиоткой... Я была уверена: ты откажешься мне помогать... – Голос у Натки опять дрогнул, из глаз полились слезы.

– Я разве сказала, что отказываюсь? Просто у тебя память девичья, и ты могла забыть...

– Лена, – в отчаянии перебила меня Ната, – Лена, клянусь! Я в трезвом уме и здравой памяти, или наоборот... Я не брала никаких кредитов!

Ее отчаяние набирало обороты с каждой фразой и в конце концов переросло в крик.

– Тише, тише... я тебе верю, но что тогда происходит?

– Не знаю, не понимаю, – всхлипнула Натка. – Я потому и позвонила тебе! Мне никто больше не сможет помочь! – Натка сняла очки и разрыдалась. – Понимаешь, сначала они звонили, пугали, мол, если кредит с процентами не отдашь, пеняй на себя. Я сказала, что ничего не брала, думала, там разберутся... А вчера... – Натка перешла на прерывистый шепот. – Вчера вечером подкараулили меня у подъезда два лба, громилы бритые. Что, говорят, на халяву денег нахапала и отдавать не хочешь? Я говорю, не брала ничего, а они... Лен, они откуда-то все про меня знают! Все, все... Где живу, где работаю, в какие магазины хожу, какой марки у нас телевизор, а главное... Они меня Сенькой шантажируют! Про ребенка своего, говорят, подумай. Что делать, Лен?!

«Что делать, Лен?» – сама себе задала я вопрос и несколько секунд маленькими глотками пила крепкий кофе, надеясь, что ответ придет сам собой – простой и логичный, как приговор суда.

Странная какая-то история, ей-богу!

Натка, конечно, особа легкомысленная, но не сумасшедшая. Сеньку своего она любит и не сделает ничего, что могло бы навредить сыну.

«Дело отправляется на следствие», – подсказывала интуиция судьи.

«Как всегда, по глупости влипла в историю и даже не поняла», – утверждал опыт старшей сестры.

В любом случае Натку надо спасать.

– У тебя в мобильнике сохранился телефон, с которого звонили?

– Конечно!

Натка достала из сумки мобильник и протянула мне. Я переписала номер, который она показала.

– Что ж, – вздохнула я, – без доблестного Таганцева все равно не обойтись.

А заодно и объяснение будет, зачем я звонила ему с утра и просила помочь...

– Он номер по базе пробьет, да? – всхлипнув, спросила сестра.

– Пробьет. И установит, кто тебе звонил. А ты, Нат, вспоминай пока, кому насолила в последнее время... по мужской части, – я подмигнула ей. – Ты это умеешь.

– Я не солила, – всхлипнула Натка. – Во всяком случае, до такой степени... Лен, я домой боюсь ехать и на работу боюсь, вдруг меня там караулят?

– А Сенька где?

– Сейчас он в детском саду, а начальнику я сказала, что заболела.

– Штирлиц, – проворчала я, отыскивая в сумке ключи от квартиры. – Ладно, бери такси, забирай Сеньку из сада и дуй ко мне.

– Спасибо, Лен!

– Где ты эту жуткую кофту взяла? – поморщилась я.

– Баба Люба, соседка, поносить дала... Для конспирации.

– Ладно, езжай, только не пугайся, у меня там Австралия на потолке.

– Что?

– Иди, горе луковое, – махнула я рукой.

Натка встала и скрылась за фикусом, несчастная даже со спины.

А я вдруг поняла, что легкомысленные люди страдают и переживают как-то особенно трогательно – ведь они не привыкли видеть проблемы там, где они есть, и уж тем более не умеют их решать. Неприятности выбивают таких людей из седла, да так, что непременно хочется броситься им на помощь, потому что пропадут они со своим легкомыслием как заблудившиеся дети, набьют шишек там, где и набивать-то их вовсе не обязательно.

Натка и страдания – понятия несовместимые, нарушающие привычный ход жизни, поэтому я почувствовала, что сестрицу надо непременно и как можно скорее вернуть в состояние вечной эйфории и поиска любви. Так мне будет легче. Так всем будет легче – особенно Сеньке.

Не факт, правда, что, переложив свои проблемы на меня, Натка уже не думает, как бы провести вечер с очередным ухажером... Аромат сладких духов, оставшийся после нее, напоминал, что сестрица не сможет долго переживать.

Я видела в окно, как она, беспечно махнув рукой, поймала такси и уехала.

Машинально пролистав журнал, оставленный ею, я наткнулась на рекламу «Новые квартиры в ипотеку в Павшинской пойме. Время брать!».

Я раздраженно захлопнула журнал и швырнула его на стол.

Эта Павшинская пойма с ипотекой привязалась ко мне как назойливая муха. Думать об этом сейчас не хотелось.

Какая ипотека? Сашке нужны витамины, развлечения, модная одежда и хоть иногда – отпуск на море. Я не могу держать ребенка впроголодь и не купить ей к зиме новый пуховик...

Я допила кофе и направилась к выходу, размышляя, заслуживает ли Натка той острой жалости и сочувствия, которые ей удалось у меня вызвать.

– Портфель! – Меня догнал официант. – Вот, вы забыли под столом... – Он улыбнулся – совсем не заученной улыбкой «для клиентов», а человеческой, белозубой и искренней, словно вполне понимал мою забывчивость.

– Большое спасибо! – горячо поблагодарила я его и вышла из кафе, прижимая портфель к груди.

Натка умудрилась так выбить меня из колеи, что я первый раз в жизни забыла свои бумаги. И если б не добросовестный официант, неизвестно, у кого в руках оказались бы дела, которые я веду.

От этой мысли я, несмотря на жару, почувствовала легкий озноб и безумную злость на Натку.

Не дай бог, выяснится, что она все же брала кредиты...

Я села в раскаленную «Хонду» и рванула с места так, что завизжали шины, а некоторые пешеходы встревоженно обернулись...

Устыдившись своей неожиданной злости, я сбавила скорость, заняла место в правом ряду и поехала в суд.

* * *

Виктору казалось, что этот счастливый сон будет длиться вечно. У него не было начала, а значит, не должно быть конца...

Он родился тогда в больнице заново – с сердцем, которое, казалось, сделало первые в его жизни удары, с новой чистой душой и чужой, незнакомой внешностью: Виктор не помнил, как выглядел раньше.

Все говорили о какой-то аварии, о том, что байк всмятку, а его спасли чудо и шлем...

Виктор не помнил никакой аварии, не помнил, что у него был байк, впрочем, иногда по ночам он просыпался от какого-то дикого шума в голове – этот шум напоминал визг колес и грохот металла... Он не мешал ему жить, этот шум, просто будил его изредка и подтверждал слова врачей и соседей по палате о какой-то аварии.

Как ни прислушивался к себе Виктор, он не обнаруживал в своей новой душе и новом сердце страсти к байкам, скорости, ночным гонкам...

К чему все это?

Кажется, таких гонщиков называют в народе «донорами на колесах». Молодые, здоровые девчонки и парни разбиваются насмерть – бери на органы все, что хочешь, если с родственниками договоришься...

Неужели он был таким же дураком?

Это подтвердила мать, которую пустили к нему в тот день, когда он очнулся.

Она поставила на тумбочку пакет кефира, положила несколько апельсинов в пакете и, поджав сухонькие губки, спросила:

– Ну? Допрыгался?! Я ведь предупреждала... Не дай бог, калекой останешься, я тебя кормить не буду...

Мать Виктор помнил, но смутно – какие-то крики, попреки, что «она его кормит», и губы – жесткие, злые губы, которые она всегда поджимала, и их почти никогда не трогала улыбка...

Кажется, она растила его одна... Кажется, маялась, убивалась сутками на работе, не устроила свою личную жизнь, и все из-за него, Виктора...

Он почувствовал себя виноватым тогда, глядя на пакет кефира и апельсины, наверное, мать потратилась, в чем-то себе отказала, а потом ехала долго, с пересадками, в больницу и опять тратилась – на билеты...

– Прости, мам... – прошептал он, но, похоже, она его не услышала.

– У всех дети как дети, а ты... – Мать закрыла лицо руками и всхлипнула.

Виктор хотел спросить, откуда у него мог взяться байк – удовольствие дорогое, – ведь не она же ему денег дала на мотоцикл, который он якобы разбил всмятку. Он многое хотел у нее спросить, но мать развернулась и ушла, так и не оторвав рук от лица...

Амнезия...

Какое тягучее, вязкое слово. И одновременно – колючее. Врач говорил «у тебя амнезия», и Виктору казалось, что ему сообщали – прежний Виктор умер, а кто ты – неизвестно.

– А когда это пройдет? – рискнул он однажды спросить у врача.

– Одному богу известно, – вздохнул пожилой доктор, и было невероятно странно, что он ссылается на творца...

Впрочем, Виктор не хотел ничего вспоминать – наверное, в той его жизни было мало хорошего и радостного, наверное, он что-то делал не так, жил и мыслил неправильно. Виктору нравился белый лист в его голове, сердце, душе... Этот лист можно заполнять заново, начисто, не допуская ошибок.

Так и случилось.

Он переписал судьбу благодаря амнезии.

Поэтому начала у этого счастливого сна не было, а значит, не могло быть и конца...

Утром дежурная сестра сказала, что звонила какая-то девушка, интересовалась здоровьем Виктора.

Почему она звонила медсестре?

Почему не пришла, если это его девушка?

Виктор категорически не помнил, с кем встречался, кого любил, и любил ли вообще... Поэтому, когда сосед по палате вышел в коридор, а потом, заглянув, подмигнул и сообщил шепотом: «Там твоя пришла», – Виктор напрягся. Какая она – эта «твоя»?

Вдруг сердце не дрогнет, не вспомнит, останется равнодушным... Что тогда делать, как объяснять, что на «белом листе» нет места чужому имени? Да, и кстати, как же ее зовут?

Дверь открылась... И палата словно залилась солнечным светом – несмотря на то, что за окном сумрачный день, несмотря на то, что больничный воздух пропитан страданиями...

Он сразу узнал ее.

И вспомнил имя – звенящее, переливающееся, как луч солнца в горном хрустале, – Ангелика. Это имя он готов был вписать в белый лист и оставить его там единственным.

Облако медовых волос, пронзительно-голубые глаза, фарфоровая кожа и свежие пухлые губы в полуулыбке. В руках она держала связку воздушных шаров – синих, красных, желтых и белых. Они заполнили пространство под потолком, нарушив скучную геометрию комнаты веселым разнообразием...

Эти шары Виктор тоже готов был вписать в белый лист навсегда.

– Лица! – Он подтянулся и сел на кровати, хотя прежде не мог даже приподняться.

Она засмеялась, выпустила шары, которые разноцветным ковром оккупировали потолок, и присела на край кровати.

– Лежи, Вить, мне сказали, что ты скоро поправишься.

Он схватил ее прохладную руку и прижался к белоснежной коже губами. Почему-то это ее смутило – щеки зарделись, глаза потемнели и из пронзительно-голубых стали синими...

– Вить, тебе нельзя волноваться...

– Я так ждал тебя, так ждал...

Еще минуту назад он никого не ждал, а теперь был уверен, что умер бы без этих глаз, этих тонких рук и разноцветных шаров...

Она мягко отобрала свою ладонь и быстро-быстро стала говорить. Ее голос струился серебристым ручьем, слова сливались в бесподобную мелодию, и Виктор сделал усилие над собой, чтобы из этой мелодии вычленить предложения и фразы...

Оказывается, они учились на одном курсе в лингвистическом университете, оказывается, уже защитили диплом... Все однокурсники бегают, ищут работу, иногородние разъехались по домам, поэтому его никто не навещает, и снарядили ее – от всего курса... Решили, что фруктов и соков у него навалом, поэтому скинулись на шары...

Почему «снарядили», почему «скинулись»? Виктор не понимал ничего.

Он снова взял ее за руку и, слушая удары собственного сердца, спросил:

– Когда у нас свадьба?

Она опять смутилась – на этот раз почти до слез, – испуганно глянула на соседа справа, который делал вид, что читает газету, опять мягко высвободила руку и дрогнувшим голосом спросила:

– Ты о чем, Вить?

– Я что, до сих пор не сделал тебе предложения?

От возмущения Виктор забыл, что у него ушибы, переломы и черепно-мозговая травма. Он выпрямился и сел в кровати.

– Вить! – еще больше покраснела Лика.

– Я придурок, идиот... Извини, что нет кольца, я потом наверстаю... Будь моей женой, Лика! Выходи за меня замуж!

– Но...

– Я больше никогда не сяду на байк, клянусь! Я стал другим человеком. Найду работу, сниму квартиру...

Лика в замешательстве встала и посмотрела на шары под потолком, словно впервые их увидела...

– Вить, ты сейчас болен...

– И поэтому делаю предложение? Ты ошибаешься, Лика, это раньше я был болен, когда гонял на байке и не говорил, как сильно люблю тебя!

– Я приду еще...

– Лика!

Она ушла, тихонько прикрыв дверь, но вернулась, поцеловала его – целомудренно, в небритую щеку, – и, сияя глазами, сказала:

– Я согласна, Вить.

Он даже не успел схватить ее за руку, так стремительно она убежала.

И только разноцветные шары, весело качаясь под потолком, подтверждали, что все это ему не приснилось.

Она согласна!

И не беда, что ее «снарядили», а на шары «скинулись».

Главное – она согласна!

Оказалось, что Лика – не его девушка...

Они просто вместе учились, и весь этот бред – «скинулись», «снарядили» – чистая правда.

Однокурсница пришла навестить его по поручению курса. А он, как дурак, сделал ей предложение...

А она почему-то вдруг согласилась.

Амнезия – прекрасная штука.

Перечеркивающая ошибки и сотворяющая чудеса.

«Его» девушка заявила через полчаса в байкерском прикиде, с соком и апельсинами.

– Оклемаля? – спросила она.

Виктор не помнил ее, хоть убей.

– Угу, – буркнул он, рассматривая темные накрашенные глаза, черные, до плеч, волосы и кожаные перчатки с открытыми пальцами.

Она была чужая, как инопланетянка. Ее имя никак не хотело всплывать в памяти, а если и всплыло бы, он не стал бы вписывать его в «белый лист».

– Ну, охренеть... – протянула девушка и беспардонно ощупала его ногу в гипсе. – Ходить-то будешь?

– Все нормально, – пробормотал Виктор, но, вдруг сообразив, как исправить ситуацию, страдальческим голосом произнес: – Врачи ничего не гарантируют... Скорее всего, инвалидность дадут.

Расчет оказался правильным. Девушка сразу потеряла к нему интерес.

– Блин... Я перезвоню, ладно?

– Ладно! – весело крикнул Виктор захлопнувшейся двери.

Стук каблуков прозвучал гимном его новой жизни и новой любви...

Амнезия – чудесная штука, расставляющая все на свои места.

Он пять лет любил Лику, а понял это только после черепно-мозговой травмы.

Свадьба была очень веселой.

Несмотря на костыль – гипс осталось носить всего неделю, – Виктор вынес невесту из загса на руках под крики гостей, среди которых был почти весь курс.

Вместо шампанского было пиво, вместо букета невесты – красно-бело-голубые шары, вместо белого кринолина – джинсы, вместо фаты – венок из ромашек, вместо «горько» – «ура», а вместо лимузина и ресторана – велосипеды и пикник на поляне.

Все было правильным и единственно верным, как восход солнца и первая любовь.

Несмотря на гипс, Виктор уже успел устроиться в небольшое издательство деловой литературы переводчиком с испанского, но он нисколько не сомневался, что быстро сделает карьеру и должность начальника отдела не за горами.

Оклад оказался вполне достаточным, чтобы снять однокомнатную квартиру, купить холодильник, микроволновку и даже диван. Посуду и постельное белье, слава богу, подарили на свадьбу. А еще подарили настенные часы с боем, пленочный фотоаппарат «Никон» и... детскую коляску.

Эта голубая коляска волновала Виктора больше всего – она обещала новый этап их жизни и любви, то, о чем они с Ликой пока умалчивали, но каждый думал об этом с замиранием сердца.

Голубая коляска заняла почетное место у окна, и пока в ней хранили разноцветные стопки белья и... большого плюшевого мишку, которого Виктор купил с первой зарплаты.

Быт не убил любовь, он сделал ее более цельной и полной.

Оказалось, что нет ничего приятнее, чем вечером вместе чистить картошку под «Аквариум» или «Дюран-Дюран», а потом весело спорить: мешать – не мешать, закрывать крышкой или нет; и заваривать чай – тоже в шутку препираясь, сколько его настаивать; и резать хлеб – треугольничками, нет, только квадратиками; а потом делить пополам пирожное лишь затем, чтобы отдать ей свою половину...

Оказалось, что это здорово – мыть пол и посуду, выносить мусор, делать покупки, зная, что и сейчас, и завтра, и через год – вечно – вы будете вместе, и этот факт даже заверен печатью в паспорте. У вас общая фамилия, общий быт, общая судьба и общий... ребенок.

Виктор так и не вспомнил подробности своей прошлой жизни. Но это его не особенно волновало. Почему-то ему казалось, что в этих подробностях нет ничего замечательного и пускать их в свое новое существование вовсе не обязательно.

Лика устроилась в то же издательство и тоже переводчиком. Они вместе уезжали на работу, вместе приезжали, и это было удивительно здорово. Ехать приходилось двадцать минут на троллейбусе, а потом идти пешком.

По всем житейским правилам и прогнозам они должны были надоесть друг другу максимум через полгода, но они не надоедали, и каждый день, каждый раз в эти двадцать минут на троллейбусе и пять минут прогулки в любую погоду им было о чем поговорить, над чем посмеяться, о чем помечтать...

В тот ненастный день они шли под зонтом, возвращаясь с работы.

– Я в тебя с первого курса влюбилась, – смеялась Лика, держа Виктора под руку и прижимаясь к нему теснее, чтобы капли дождя не попадали на сумку. – Но ты же был байкер! Крутой! И тебе нравились крутые девчонки – яркие, высокие, бойкие брюнетки. Куда мне, серой мышке, до них... Я о тебе даже мечтать не смела.

– На первом курсе вместо меня учился другой человек, я же тебе говорил...

– Как хорошо, что ты ударился головой!

– Жаль, что этого не случилось раньше...

Укрывшись зонтом от проливного дождя, они поцеловались – словно на первом свидании, впервые сбежав из-под родительского присмотра.

– Давай купим вина, – предложил Виктор. – И закатим романтический ужин.

– У нас вчера был романтический ужин, – засмеялась Лика.

Вино они все же купили – молодое, розовое, – но пить Лика наотрез отказалась. Она покрутила в тонких пальцах бокал и поставила его на стол.

– Вить, у меня новость...

– Мама твоя приедет? – Виктор опасался первого свидания с тещей, которая вот-вот должна была нагреть из Барабинска.

– Ну, и... мама тоже.

– А кто еще? – не понял Виктор.

– Димка!

Димкой они называли своего будущего ребенка. То, что это обязательно будет мальчик, подсказывала голубая коляска.

– Ди... Дим... – Виктор потерял дар речи, хотя ждал этого сообщения уже несколько месяцев.

Он подхватил Лику на руки и закружил по комнате.

– Здесь поставим кровать, здесь пеленальный комод, здесь – игрушечный розовый домик для принцессы, – вальсировал Виктор.

– Подожди, какой принцессы, у нас же мальчик будет, – засмеялась Лика, обхватив его руками за шею и прижавшись щекой к плечу.

Виктор остановился.

– А знаешь, – прошептал он, – я вдруг подумал, что будет дочка... Катя! Екатерина Викторовна!

– Здорово, – счастливо зажмурилась Лика. – Как ты угадал? Я всегда жалела, что меня не Катей зовут.

– Я люблю тебя, – поцеловал ее Виктор. – Теперь в два раза больше люблю...

Теща все же приехала – молодая, веселая и красивая. Как Брижит Бардо...

Она носила джинсы, шпильки, не портила свежее яркое лицо косметикой и все время напевала под нос шлягеры из репертуара Филиппа Киркорова.

– «Любовь сияет ярче самых ярких в мире звезд и обнимает жарче самых жарких снов», – распевала она и тут же, безо всякого перехода, невозмутимо говорила: – Слушай, Вить, я не переживу, если ты меня мамой звать будешь или Светланой Георгиевной, ой нет, нет, нет... Я Света, договорились?

– Хорошо, – с легкостью согласился Виктор. – Мне тоже так больше нравится.

– «Она меня уводит все дальше, где, сжигая боль, душу озаряет, горит огнем твоя любовь...»

– Что?

Потом он привык, что фразы тещи перемежаются строчками песен...

Лика тоже звала маму Светой. Они общались друг с другом как закадычные подружки, и это не только веселило Виктора, но вносило в его жизнь новую нотку легкости и ощущение еще большей полноты жизни. Его радовала молодая красивая теща в джинсах, радовало, что из Барабинска она привезла не соленья-варенья и пуховые носки, как все провинциальные тещи, а красивый кованный сундучок с резной ручкой и тугим замочком.

– Это вам на счастье, – сказала Света и тут же запела: – «Я за тебя умру, только бы ты знала, что никто тебя не любит так, как я люблю...»

Виктор поставил сундучок на тумбочку возле кровати. Лика складывала туда заколки и еще какую-то мишуру, но ему казалось, что в этом сундучке – его счастье и вся его жизнь...

– С Катериной Викторовной летом ко мне приезжайте, – сказала в аэропорту Света. – Дача, речка, витамины... «Счастья искать нам не надо, если со мной ты рядом...»

Когда теща уехала, Виктор почти физически ощутил, как не хватает ему в разговорах ее припевок про любовь и про страсть.

Вот если бы его мать так ослепительно улыбалась и напевала даже в серьезных разговорах. Если бы она подарила ему какой-нибудь пустячок на счастье...

Но с матерью он почти не виделся.

– Женился? – спросила она, когда Виктор забирал вещи. – Ну, слава те господи, может, за ум возьмешься.

Он поцеловал ее в седой висок с надеждой – может, спросит, где он живет, кто у него жена, скоро ли внуки...

Но она не спросила, отвернулась и начала мыть посуду.

«С глаз долой, из сердца вон, – подумал Виктор. – Может, когда увидит внуку, она оттаает?»

Лика переносила беременность легко, но Виктор настоял, чтобы она ушла с работы. Врачи говорили про низкий гемоглобин и повышенный тонус, поэтому трястись на троллейбусе двадцать минут, по мнению Виктора, было преступлением.

Теперь они гуляли вечером в парке в любую погоду и болтали обо всем на свете, но большей частью о Екатерине Викторовне. То, что родится девочка, подтвердило последнее УЗИ.

– Никаких садиков, – настаивал Виктор.

– Но Екатерина Викторовна должна социально адаптироваться! – возмущалась Лика.

– Я ее сам адаптирую! Кружки, секции, музыкальная школа, художественная, конно-спортивная...

– Екатерина Викторовна заболеет от переутомления! Выбирай что-то одно.

– Тогда конно-спортивная.

– Только через мой труп.

Сошлись на музыкальной школе и посещении садика на три часа в день.

Дождаться стремительного развития карьеры не было времени – потребность в деньгах возрастала с каждым днем все больше и больше: хорошее питание, новая одежда для беременной, консультации врачей (по настоянию Виктора Лика наблюдалась в частной клинике); а дальше – как снежный ком: кровать, пеленальный комод, ползунки-распашонки...

Виктор всерьез занялся поисками подработки и нашел: крупной торгово-промышленной компании «Aguila espanol» требовался переводчик с испанского. За несколько переведенных договоров заплатили неожиданно много, а переводы Виктора оказались настолько блестящими, что ему предложили место с хорошим окладом и заоблачными перспективами.

Карьера в издательстве теперь казалась смешной. Виктор без сожаления уволился и перешел в «Aguila espanol» на постоянную работу.

Через месяц он смог снять двухкомнатную квартиру в хорошем районе. А еще через два месяца ему предложили возглавить отдел таможенной очистки товаров в логистическом подразделении российского филиала компании – как оказалось, там нужно хорошее знание языка. Сначала Виктор сомневался, принимать ли это предложение, но вспомнил, что логистику знали еще инки, об этом сообщал испанскому королевскому двору в 1572 году юрист и экономист Хуан Поло де Ондегардо. Решив, что он не тупее своих инкских предшественников, Виктор согласился. Очень быстро он стал разбираться в логистике не хуже, чем в текстах, и это очень ценили испанские партнеры компании. Наверное, в своей прошлой жизни, которую Виктор так и не смог вспомнить, он что-то об этом знал...

Виктор купил «паджерик», не новый, но и не древний, зато тюнингованный, с мощным движком и шикарным кожаным салоном.

Теперь они с Ликой, помимо ежевечерних прогулок, по выходным играли в дальнобойщиков – брали чай в термосе, покупали в небольшом кафе горячие беляши и наматывали километры по загородной трассе – просто так, для удовольствия, для счастья и ощущения свободного полета... Виктор не гнал, конечно, но ощущение полета все равно было.

А потом они останавливались на обочине и, как настоящие дальнобойщики, уплетали горячие беляши, запивая крепким душистым чаем.

Жизнь удалась, думал в такие моменты Виктор.

Она как-то вдруг, нечаянно и негаданно, удалась, он и мечтать о таком не мог...

Екатерина Викторовна родилась ранним пронзительно солнечным декабрьским утром.

Виктор мужественно присутствовал при родах, но в какой-то момент, видимо от сильного волнения, почувствовал приступ головокружения и выскочил в коридор, к окну, глотнуть свежего воздуха.

В этот момент Екатерина Викторовна и родилась...

Он услышал ее крик и почувствовал, что, несмотря на морозный воздух, попадавший ему в лицо через открытую форточку, сейчас грохнется в обморок – оттого что наконец свершилось, оттого что он прокараулил этот торжественный миг, оттого что Лика ни разу не вскрикнула, а он позорно орал в родовом зале, едва у нее начинались схватки...

Какая-то нянечка сунула ему под нос ватку с нашатырем и проворчала:

– Вот папаши... Прутся на роды, а потом их откачивай. Лучше бы водку пили, как в прежние времена!

Виктор не отказался бы сейчас выпить водки, он даже жалобно попросил у нянечки «сто граммов с огурчиком», но она резко ответила: «Тут не наливают!» – и ушла, сунув ему в руку остропахнущую нашатырем ватку.

Потом в палате он просил Лику:

– Прости... Я пропустил самый важный момент нашей жизни!

– Если честно, я на это рассчитывала, – фыркнула Лика. – Просила же, не приходи, нечего тебе в роддоме делать. Нет – мы модные и страшно продвинутые... Да если бы ты не выскочил, я бы не родила никогда!

Екатерина Викторовна спала в пластиковой люльке, причмокивая во сне крохотными губами. У нее было красное сморщенное личико и очень темные волосы.

– Слушай, в кого она темненькая такая? – растерянно спросил Виктор, склонившись над люлькой.

– Ты себя давно в зеркале видел? – расхохоталась Лика.

Виктор пощупал волосы на своей голове – он ведь и правда брюнет... кажется.

– Ой, Вить, иди домой, пожалуйста, – взмолилась Лика. – На тебя без смеха смотреть невозможно, а мне смеяться больно, и я спать хочу, сил нет...

Виктор поцеловал Екатерину Викторовну в щечку – наверное, делать это было категорически нельзя – микробы, инфекции и все прочее, но он все равно поцеловал, тем более что Лика уже заснула, практически на полуслове...

Как доехал домой, Виктор не помнил, но по дороге он все же купил бутылку водки и дома, обнаружив ее в кармане куртки, выпил заветные сто граммов, а потом еще сто... Наверное, и правда, лучше было как в старые времена водку пить, чем падать в обморок в роддоме...

Год пролетел незаметно – в хлопотах и счастливых открытиях: Екатерина Викторовна стала держать голову, Екатерина Викторовна поползла, улыбнулась, съела первую ложку прикорма, не выплюнув тертое яблоко, сказала «агу», но как-то так, что Виктору почудилось «папа», и Лика смеялась над тем, что ему в каждом звуке чудилось «папа, папа, папа»...

Он работал как вол – постоянно придумывал новые способы снижения издержек и затрат внутри компании, руководство это ценило и к зарплате постоянно выписывало премии, но, и кроме основной работы, Виктор брал на дом переводы, поражая клиентов сроками и качеством их выполнения. Ему платили много и даже иногда накидывали за скорость.

Но время на семью у него всегда находилось, и пусть этого времени было мало, минута шла за час, а час за сутки – по удовольствию, которое он получал.

Виктор сменил «паджерик» на новый «Патфайндер», купил мощный компьютер, новую мебель и даже подумывал о второй машине, для Лики, чтобы она сама могла возить дочку по врачам, когда он занят, и заезжать в магазины.

За год из Барабинска два раза приезжала Света, и жизнь снова наполнялась каким-то особенным ритмом – веселыми чаепитиями, возней по хозяйству и строчками из песен, теперь уже из репертуара Николая Баскова.

Так вышло, что все младенческие недомогания и болезни Екатерины Викторовны случались исключительно в присутствии тещи, и она так ловко и со знанием дела справлялась с ними, будто сама вырастила не одну Лику, а дюжину детей.

Света находила, что внучка очень похожа на нее.

– Видишь, как бровки домиком делает? – обратилась она как-то к Виктору. – У меня морщины на лбу вот точно от такой же привычки!

И хотя Виктор не видел никаких морщин у тещи на лбу, он согласился, что «бровки домиком» у дочки от Светы.

Когда Екатерине Викторовне исполнилось восемь месяцев, Виктора навестила мать.

Она равнодушно поздоровалась с Ликой, не менее равнодушно заглянула в кроватку, где спала ее внучка, и... попросила у Виктора денег.

– Мне бы... тысяча пятьдесят-восемьдесят на дорогу и на первое время...

– Какую дорогу? – не понял Виктор.

– На Сахалин я уезжаю. Замуж выхожу. – Мать поджала губы, словно сообщала, что у нее тяжелое заболевание.

Виктора подмывало спросить, почему сын, а не жених должен оплачивать дорогу и какое-то «первое время», но не спросил. Даже если ее избранник аферист и альфонс, он не имеет права не дать матери возможности хоть на короткое время устроить свою личную жизнь, которой лишил ее своим появлением на свет.

Виктор выдал матери деньги и потом высылал несколько раз на Сахалин крупные суммы, потому что она звонила и говорила, что «жизнь здесь очень и очень дорогая, Петр болеет, и я тоже»...

С глаз долой, из сердца вон... Иногда Виктору казалось, что он откупается от того, что испортил матери лучшие годы ее жизни.

Виктор навсегда запомнил первый день рождения дочки.

Они с Ликой задули свечу на огромном торте с надписью «С днем рождения!», хором спели «Пусть бегут неуклюже» и долго водили вокруг Екатерины Викторовны хоровод в масках лисы и зайца, пока не заметили, что дочка спит, утомившись от родительских поздравлений.

Виктор уложил Екатерину Викторовну в кроватку и вернулся к праздничному столу.

– Ну, теперь, как водится, за родителей, – провозгласил он тост, разливая вино по бокалам.

Лика покрутила бокал в тонких пальцах и вернула его на стол.

– Вить, у меня новость...

– Ты устроилась на работу? – всерьез испугался Виктор. – Послушай, но хорошую няню днем с огнем не сыскать!

– Да нет, Вить, какая работа...

Лика улыбнулась и налила себе сок.

– Понимаешь, я думала, что, пока кормлю грудью, не забеременею...

– Лика... ты... – Виктор почувствовал, что вино ударило в голову особенно быстро, и перед глазами все поплыло, как тогда в роддоме.

– Да, Вить. Даже не знаю, что делать...

– Что делать! – подскочил он и захохотал, подхватив Лику на руки. – Ты еще спроси, кто виноват! Наконец-то у нас будет мальчик! Или еще одна дочка!

– Но, Вить...

– Что? Ты не рада?! – Он заглянул Лике в глаза, которые почему-то не излучали безусловного, абсолютного счастья...

– Двое детей, Вить... В съемной квартире! Ненавижу эти чужие стены. Все время думаю – кто тут до нас жил, что делал... Мы даже отремонтировать ее не можем!

Виктор осторожно посадил Лику на диван.

– Я знаю, что предпринять.

– Что, Вить? Ты много зарабатываешь, но квартира стоит миллионы! Копить нужно несколько лет. А наш... Дмитрий Викторович родится через семь месяцев!

– И он въедет в свою квартиру!

– Вить... – В глазах Лики мелькнула тревога. – Я не хочу, чтобы ты уходил в криминал.

– Какой криминал! – Виктор искренне рассмеялся. – Помнишь, я в больнице лежал после аварии?

– И что? – не поняла Лика.

– А то, что байк, на котором я разбился, был куплен на кредитные деньги! Мать потом рассказала, ведь мне память начисто отшибло. Байк, конечно, был не новый, я его с рук купил, но хватило же сил рассчитаться с процентами. Я халтуру брал, мотоциклы чинил, переводами подрабатывал... И если мне тогда выдали кредит по какой-то липовой справке с работы, то теперь, когда я получаю такие деньги...

– Ипотека? – потрясенно спросила Лика.

– А что? – Виктор встал и возбужденно прошелся по комнате. – Почему нет? Я могу платить каждый месяц довольно крупные суммы не в ущерб нашему благосостоянию. Я крепко стою на ногах, Лика! Очень крепко! – Для убедительности он подпрыгнул и, приземлившись, громко ударил ногами в пол.

Лика вдруг заплакала – крупные, прозрачные слезы покатались по ее щекам.

– Неужели у нас будет своя квартира? И мы сможем сделать ремонт... Я уже весь дизайн давно придумала, Вить.

– Ну, прости... – Виктор обнял Лиду, поцеловал ее слезы, руки, колени. – Прости, что не подумал об этом раньше! Прости...

Поздно вечером, когда позвонила мать и в очередной раз сообщила, что «здесь все дорого, а они с Петром болеют», Виктор сказал:

– Извини, мама. У меня больше нет лишних денег. Если хочешь, продай нашу комнату в коммуналке, я на нее не претендую. И еще... Пусть твой Петр попытается устроиться на работу.

* * *

Почти бегом поднявшись на этаж, я нос к носу столкнулась с Анатолием Эммануиловичем Плевакиным.

Я испытывала большое неудобство из-за маленькой лжи, которую попросила Диму передать Плевакину, – насчет квалификационной комиссии, куда меня якобы вызвали...

Но Анатолий Эммануилович, не заметив моего смущения, взял меня за руку и повел по коридору.

– Послушайте, Леночка, – начал он озабоченно, даже не поздоровавшись, что было на него не похоже, – помните, у нас на рассмотрении находится гражданское дело по иску банка «Астра-Финанс» к Малышеву о взыскании задолжности по кредитному договору, обращении взыскания на заложенную квартиру?

– Конечно, – кивнула я, – оно у меня...

– Так вот, Малышев этот подал встречный иск банку о неправомерном повышении процентов по кредиту. И раз дело о взыскании долга с Малышева у вас, то и встречный иск тоже рассмотрите вы... – Плевакин наконец улыбнулся своей чудесной улыбкой, от которой на душе всегда становилось светлее, и ободряюще похлопал меня по руке. – Документы я уже Диме передал, так что вперед, покой нам только снится... Кстати, что-то вы припозднились сегодня, не заболели? – Он озабоченно, снизу вверх, заглянул мне в лицо, а я почувствовала облегчение оттого, что помощник не передал Плевакину мою ложь. Молодец Дима, он очень тонко понял, что передавать начальнику неуклюжее оправдание моему опозданию вовсе не обязательно.

– Нет, нет, Анатолий Эммануилович, со здоровьем у меня все в порядке. – Я хотела было рассказать о пробках и своей дурацкой рассеянности (представляете, с ручника не сняла машину, на первой скорости полпути ползла!). – Пробки, – даже начала я, но неожиданно сказала правду: – С сестрой у меня проблемы, она попросила срочно встретиться...

– Ну-ну, – снова легонько похлопал меня сухонькой ручкой Плевакин, – родственники – это святое. Вы уж Малышевым этим побыстрее займитесь, Лена. Скоро суд, надо разобраться во всех деталях и первоначального и встречного иска.

– Хорошо, спасибо, Анатолий Эммануилович.

Мы остановились у двери моего кабинета.

– За что? – засмеялся Плевакин. – За дополнительную работу, подкинутую с утра? Нет, Леночка, вы определенно сегодня в пробках перестояли. Начальству за такое спасибо не говорят.

– Вам – говорят. – Улыбнувшись ему на прощание, я вошла в кабинет.

Только бы Анатолий Эммануилович не принял мои слова за грубую лесть. Впрочем, мой умный, проницательный начальник никогда не заподозрит во мне нечто низменное и примитивное. Скорее он подумает, что я и правда обрадовалась новой работе.

А поблагодарила я его за то, что не пришлось врать, за понимание, за улыбку и за добрые слова: «родственники – это святое». Он произнес их так, будто мои родственники и для него – святое. Много ли найдется начальников, которые так скажут? Думаю, только Плевакин, в единственном экземпляре.

От прямого солнца, падавшего в окно, кабинет раскалился не хуже салона в моей машине. Несмотря на открытую настежь фрамугу, движения воздуха не было никакого. Наверное, поэтому Дима, который никогда не изменял строгим костюмам, все-таки снял легкий льняной пиджак, оставшись в светлой сорочке с короткими рукавами.

– Здравствуйте, Дима, – поздоровалась я и, поставив портфель на стол, привычными движениями стала выгружать из него папки.

– Здравствуйте, – кивнул Дима.

Видимо, жара выбила моего неутомимого помощника из колеи, потому что реакции его были непривычно замедленными, а на лбу выступили капельки пота, которые он промокнул идеально чистым платком.

– Ну и парилка, – выдохнул он, снова промокнув лоб, хотя не в его привычке было на что-то жаловаться.

– Так и живем, – вздохнула я, – зимой обогревателей не допросишься, летом – кондиционеров.

– Проси, не проси... – Дима махнул рукой, давая понять, что районный суд не то место, где можно «допроситься» кондиционера.

Я села за стол и подумала – жаль, веера вышли из моды. Если бы можно было обмахиваться красивым веером и не выглядеть при этом нелепо и вычурно, я бы не зависела от того, когда в районном суде соизволят установить хотя бы вентиляторы.

– Дима, Плевакин сказал, что...

– Да-да, вот, возьмите, – он, словно устыдившись своей заторможенности, вызванной невыносимой жарой, поспешно взял со стола папку с делом Малышева и передал мне.

Я открыла ее и вдруг поняла, чем меня так задевает название банка «Астра-Финанс»... Неожиданно возникшая идея взять в ипотеку квартиру ассоциировалась у меня именно с этим крупным, надежным банком. О его лояльности к клиентам и низких процентных ставках кричали на каждом углу рекламные щиты, растяжки и ролики на федеральных каналах.

Как бы то ни было, «Астра-Финанс» стал для меня синонимом надежности, честности и трепетного отношения к своим клиентам. В общем, если бы я решилась на ипотеку, то оформила бы ее, не раздумывая, только в этом банке, и нигде больше.

– Вот почему люди, когда берут кредит, не думают, чем отдавать? – проворчала я, просматривая исковое заявление «Астра-Финанса» и встречный иск Малышева. – Нахватают бешеных денег, а потом выясняется, что ежемесячные взносы выше зарплаты в пять раз...

– Потому что взять в долг у банка – это все равно что взять у неодушевленного предмета, Елена Владимировна.

– В смысле? – не поняла я.

– Понимаете, если человек берет деньги в долг у друга или родственника, то не отдать он не может, это стыдно, бесчестно, просто преступление. А у банка нет лица, нет имени и фамилии, он воспринимается как нечто неодушевленное и абстрактное... Нет конкретного человека, которому стыдно посмотреть в глаза. Понимаете?

– Что-то не очень, – призналась я. – По-моему, тут действует старое как мир правило: берешь чужое, отдаешь свое.

– И это тоже, – согласился Дима. – Но в том, что люди не рассчитывают или не хотят рассчитывать свою реальную платежеспособность, по-моему, все-таки виновато то обстоятельство, что им никому конкретно не стыдно смотреть в глаза. Вы представляете себе, как заемщик краснеет, проходя мимо банка, которому должен?

– Я бы покраснела, – засмеялась я. – Слушайте, а откуда вы так хорошо знаете психологию заемщиков? Что, сами брали кредит?

– Слава богу, обходился пока без этого. – Дима встал, подошел к окну и подставил лицо потоку воздуха, льющемуся в кабинет через фрамугу, но не приносившему облегчения от жары.

– Повезло вам, Дима, – вздохнула я, – квартира, машина, мне бы таких заботливых родителей.

– Знаю, что повезло, – улыбнулся он. – Я очень люблю их... Только не за квартиру и машину, уверяю вас, Елена Владимировна.

– За это тоже любите. Я бы так хотела купить дочери отдельную квартиру, но... пока у меня у самой ее нет. Я даже об ипотеке подумываю...

– По-моему, это хорошая мысль, Елена Владимировна, – кивнул одобрительно Дима. Не найдя облегчения у окна, он вернулся за стол, взял «Вестник РГГУ» и стал обмахиваться им, как веером.

– Мысль-то хорошая, только я должна взвесить свои силы. – Я раздраженно отодвинула от себя дела «Астра-Финанса» и Малышева. – Не хочу пополнять ряды легкомысленных людей, которые хапают деньги в банках, не задумываясь, чем будут отдавать. Для них главное – взять, а что отдавать придется, они зачастую даже не думают... Это же социальная болезнь какая-то. Нет, национальный вид спорта! Ограбление банков посредством кредитов!

– Ну, вы не такой спортсмен, Елена Владимировна, – засмеялся Дима и встал. – Пожалуй, я пойду вентилятор куплю, а то мозги закипают.

– На свои? – поразила я.

– Да он стоит совсем недорого, – отмахнулся Дима, – зато больше мучиться не придется.

– Идея, конечно, хорошая. Подождите. – Я начала отыскивать в сумке кошелек, но Дима сказал:

– Даже не думайте. Лучше к чаю чего-нибудь купите, я продуктовые магазины терпеть не могу...

Он вышел, прикрыв дверь, а я еще некоторое время изучала дела и возмущенно думала о бездельниках, которые замахиваются на крупные кредиты.

Зазвонил телефон, я машинально ответила на звонок и даже вздрогнула от раскатистого баса Таганцева в трубке.

– Елена Владимировна, я чего-то не понял... Когда вас спасать-то нужно, полдня прошло, я извелся весь, а вы все не перезваниваете...

Нет, определенно прав Плевакин, заподозрив, что я перегрелась в пробке... У меня абсолютно вылетела из головы Натка с ее бандитами, кредитами, слезами и страхом! Я напрочь забыла, что хотела попросить помощи у Таганцева и даже выстроила цепочку – прикрыть Наткиным делом свой утренний водительский конфуз.

– Константин Сергеевич, душа моя, – ласково пропела я в трубку, – дело в том, что помощь требуется не мне, а моей сестре...

– Моя? – удивился Таганцев. – Сестрице вашей?!

– Твоя, твоя... Исключительно твоя.

– Так я это... завсегда распожалуйста! – оживился Таганцев.

Константин Сергеевич видел Натку лишь однажды, пару месяцев назад. В тот день у него сломалась машина и я вызвалась подвезти его до метро. Натка сидела в салоне. Она встретила меня после работы, чтобы перехватить до зарплаты денег.

По загоревшимся глазам Константина Сергеевича я поняла, что Ната произвела на него сильное впечатление. Он как-то весь подтянулся, сидя на заднем сиденье, расправил плечи и бросал такие взгляды на сестру, сидевшую впереди, что мне стало смешно и немного грустно – еще десять минут назад лейтенант влюбленно смотрел на меня, но вот появилась прекрасная Наталья, и его глаза засветились неподдельным восхищением.

– Моя сестра Ната, – представила я.

– Младшая, – поспешно добавила она.

Она ерзала на сиденье и крутила головой, пытаясь получше рассмотреть Константина.

– Лейтенант Таганцев, – улыбнулась я, глядя в зеркало заднего вида, как он глазами пожирает Натку.

– Без пяти минут старший! – выпалил тут же он и протянул ей огромную ладонь. – Константин Сергеевич. Для вас просто Костя...

Они обменялись рукопожатием, которое сопровождалось смехом Натки и заговорщицким шепотом Константина Сергеевича.

Прощаясь, сестра послала ему воздушный поцелуй...

Вот и думай после этого, какой лучше быть – умной или красивой?

У умных – проблемы, они сидят за рулем и денег до зарплаты дают, а красивые... флиртуют, шепчутся, поцелуйчики воздушные посылают, и не беда, что деньги растратили раньше времени – умные им займут...

– Сестрица ваша просто прелесть, – мечтательно произнес Таганцев. – Я для нее все, что смогу, сделаю!

– Ну, тогда, душа моя, Константин Сергеевич, пробей-ка по базе один номерок... Натке с него звонят, угрожают и деньги требуют.

– Деньги требуют?! – Константин Сергеевич длинно присвистнул.

– Да, якобы она кредиты взяла какие-то и не отдает.

– Разберемся, Елена Владимировна. Диктуйте ваш номерок.

Я назвала ему цифры, и Таганцев громко отрапортовал, что о проделанной работе доложит вечером.

Я положила трубку и вздохнула – опять использование служебного положения в личных целях. В Наткиных целях, тут же поправила я себя. Еще неизвестно, взялся ли бы так рьяно Таганцев за дело, если бы оно касалось меня. Конечно, я знаю, что взялся бы, но... почему-то опять грустно подумалось, что иногда выгоднее быть красивой, чем умной... Вон малознакомый, без пяти минут старший лейтенант носом землю рыть собирается, ни капли не усомнившись, что Натка никому не должна...

А впрочем... может, не усомнился он в этом именно потому, что сестра у Натки – редкая умница?! И кстати, совсем не уродина.

* * *

Кроме дела Малышева против «Астра-Финанса», у Лены на столе лежало несколько папок с другими делами, которые требовали немедленного рассмотрения.

Как назло, все они были связаны с ЖКХ. Две соседские жалобы о заливе квартиры и три – на неправильные поборы управляющих компаний за коммунальные услуги.

Из всех папок Лена выбрала самую тонкую.

Начинать лучше с дела поменьше и попроще – учила ее подруга Маша.

Отодвинув другие папки в сторону, Лена погрузилась в мир сантехники и евроремонтов.

Немолодая, судя по дате рождения, заявительница Саранкина в кошмарных выражениях и ужасающих сравнениях описывала свои страдания от очередного, как она утверждала, залива ее квартиры соседкой сверху.

Лена невольно вспомнила Австралию на своем потолке и Надежду Степановну.

Вздыхнув, она допила остывший кофе, наискосок пробежала глазами исковое заявление, просмотрела многочисленные акты комиссии ЖЭКа и взглянула на сумму требований.

– Ух ты! – искренне восхитилась судья Кузнецова. – Никогда не видела миллиардеров!

Усмехнувшись, она еще раз внимательно перечитала просительную часть: «Прошу взыскать с ответчика в возмещение материального вреда, причиненного заливом квартиры и порчей имущества, 10 миллионов рублей и компенсацию морального вреда в размере 990 миллионов рублей».

– Итого, миллиард. – Лена озадаченно потерла переносицу. – Ну что ж, с вас и начнем, будущая миллиардерша. Ну и аппетиты у наших истцов! Это вам не Наткины страдания из-за двух миллионов, то ли взятых в кредит, то ли нет...

Ее вывел из размышлений деликатный кашель.

– Вы, Дима, как всегда, вовремя, – подняв глаза на вошедшего помощника, сказала Лена. – Вроде все материалы в полном комплекте?

– Да, Елена Владимировна, документы в порядке, – подтвердил Дима.

– Ну, вот и славно, поможем восстановить жилищно-коммунальную справедливость гражданам. Приглашайте истца и ответчика в зал, может быть, удастся примирить стороны.

Когда Лена вошла в зал, истица и ответчица уже были на месте.

– Прошу всех встать! – торжественно провозгласил Дима, исполняющий обязанности секретаря судебного заседания.

Истица и ответчица встали. Лена заняла судейское место, раскрыла дело.

– Прошу садиться, – сказала она. – Судебное заседание объявляется открытым. Рассматривается гражданское дело по иску Саранкиной к Игнатовой о возмещении материального вреда, причиненного заливом квартиры и порчей имущества, и компенсации морального вреда.

Пока Лена зачитывала суть дела и исковые требования, Саранкина с надменным видом рассматривала ногти. Симпатии у Лены она не вызывала.

– Саранкина, вы поддерживаете исковые требования? – обратилась к истице судья.

– Да, в полном объеме...

Она была немолода и некрасива, так, по крайней мере, показалось Кузнецовой. Следы многочисленных омолаживающих операций, подтяжек и уколов отнюдь не красили ее и без того неприятное лицо – перенакачанные силиконом губы, лишенные мимики ботоксные щеки и лоб...

Выпирающие от инъекций скулы и вывернутые чуть ли не наизнанку веки вкупе с ее непомерными финансовыми аппетитами вызывали в Лене чувство отвращения.

Но судья должен быть беспристрастным, и Лена постаралась подавить в себе острую неприязнь, представив Саранкину голодным, плачущим новорожденным ребенком, которому срочно нужно сменить памперс и сунуть соску.

Это был старый проверенный способ.

Воображаемый младенец из Саранкиной получился трогательный – с пухлыми щечками и большими голубыми глазами...

«Четыре качества принадлежат судье – учтиво слушать, тщательно внимать, размыслив мудро, беспристрастнейше решать!» Эту мудрость Сократа она как-то услышала от одного известного талантливого адвоката и в трудные минуты заученно повторяла ее про себя.

– Ответчик Игнатов, вы признаете исковые требования?

Она посмотрела на ответчицу – совсем молоденькую девчушку. Из материалов дела следовало, что Аня Игнатова, сирота из детдома, лишь год назад въехала в квартиру по соседству с Саранкиной, закрепленную за ней государством после смерти отца. И на тебе – уже трижды залила соседку. Да еще и на такую колоссальную сумму.

И вот стоит эта сиротинка, чуть старше ее Сашки!

Девушка посмотрела на нее испуганными, широко распахнутыми глазищами.

– Я не против... то есть возражений у меня нет...

– Вы уверены, Анна? Вам не требуется время, помощь защитника? Каких-либо дополнительных документов или свидетелей? – Лена почувствовала жалость к сироте, но тут же вспомнила свое заклинание и попыталась стать беспристрастной.

– Да, уверена. Ничего больше не надо, – замотала головой Анна.

– Прошу, истец, изложите суть предъявленных требований.

Саранкина живо подскочила, как будто детская игрушка «обезьянка на пружинке».

– Ваша честь! Эта мерзавка, ничтожество, детдомовка прокля...

Лена хлопнула папкой по столу.

– Истец! Остановитесь! Прекратите нарушать порядок судебного заседания!

Она сама не ожидала от себя такой реакции, но стерпеть откровенное хамство не смогла.

– Я?! Я со всем уважением к суду и вам, ваша честь! – обиженно взвизгнула истица.

Саранкина искренне не понимала, почему судья ее остановила. Она ведь еще и не приступила к перечислению всех мыслимых и немыслимых грехов этой новоиспеченной соседки-детдомовки.

– Давайте по существу – кто, что, когда, где. Понятно? Слушаю вас.

– Ладно... По существу. Эта мерз... ну в общем, Анька, в смысле Игнатова, как вселилась в наш дом, так от нее житья не стало! Чуть не каждый день гулянки, грохот, потопы! А у меня антикварная мебель, персидские ковры, ремонт дорожий. Гади... в смысле аморальная личность! Вот! Перепортила все имущество! Требую материального и морального ущерба! – Саранкина поджала свои «силиконовые» губы и полоснула Игнатову ненавидящим взглядом.

– Все? Что-то добавить хотите? – Лена неустанно твердила про себя сократовскую формулу, но помогало это слабо. К раздражению, которое вызывала у нее наглая истица, добавилась злость.

– Я, кажется, ясно все изложила, а ругаться вы сами не велели. Все! – Истица вздернула подбородок. – Пусть платит... А если не может, так пусть выметается из квартиры! Суч... Ой, простите! – Саранкина демонстративно прикрыла рот пухлой рукой с безвкусными акриловыми ногтями.

Почему этой тетке так хочется уничтожить эту девчонку? Ведь даже стажеру ясно, что силы неравноценные, все доказательства подобраны умело и жестко. И запредельная, фантастическая сумма в исковом заявлении проставлена с единственной целью – вынудить беззащитную девушку продать квартиру, чтобы возместить ущерб. А вернее, чтобы, даже лишившись всего своего нехитрого имущества, она еще и осталась должна.

Лене невольно вспомнилась Натка с ее «кредитом». Хотя бы Таганцев во всем разобрался...

А квартиру нынче отобрать и впрямь стало легко и просто. Слишком просто. Ох уж эти кредиты и ипотеки...

– Что скажете, ответчик? – обратилась Лена к Игнатовой.

– Я? Я ничего сказать не могу. Права тетка. Я во всем виновата. Ну, нет у меня таких денег. – Девушка замолчала и принялась разглядывать потолок.

– Ну, вот видите! Ничего нет, ничего не знаю, ничего не скажу! Платить кто будет? Нечем? Давай квартиру освобождай! Детдомовка подзаборн... извините. – Саранкина, уже не скрывая, торжествовала победу. – Ваша честь, у нее все одно за душой нет ни хр... в смысле, ни фиги. Так вы уж сразу взыскание на квартиру наложите, чтоб время не терять.

Лена поморщилась от настырности и визгливости истицы, конечно, она требует невозможного, но раз ответчик не защищается и вины своей не отрицает, то здесь даже самый беспристрастный судья не в силах что-либо сделать.

Она задумчиво полистала бумаги.

Оставался последний шанс.

Скажем так – на грани фола...

И Лена пошла на неожиданную провокацию.

– Истец Саранкина, а почему вы все время про квартиру ответчицы напоминаете? Что она вам покоя не дает?

– А как же?! Я ей сколько раз говорила – отдай мне терраску, тебе-то что там делать? Подштанники сушить? Так даже их у тебя нет! Стоит, понимаете ли, у нее пустая лоджия-то. А мне в самый раз – объединить их. Я б и денег дала. А она – ни в какую! Вот теперь пусть отдает всю квартиру! А сама проваливается в свой приют! – на одном дыхании выпалила Саранкина.

– Секунду, истец. Вы сказали: объединить? – удивилась Лена.

– Ну да! Не разъединить же! – язвительно пискнула истица.

– А как это возможно? Два балкона один под другим. По лестнице, что ли?

– Какая лестница, ваша честь?! Мы с Анькой живем практически в одной квартире. Балкон, то есть лоджия длинная, общая, пополам поделенная. По стене меж квартирами. Вот так! – Она рассекла рукой воздух.

То ли от жары, то ли от нахлынувшего возмущения Лене вдруг стало трудно дышать. Она пыталась незаметно ослабить мантию на шее, но липучки предательски затрещали, нарушив напряженную тишину.

Переведя дух, Лена кивнула Анне, давая понять, что внимательно ее слушает.

– Все правильно, – тяжело вздохнула девушка. – Раньше это была вообще одна огромная квартира. Когда все было по-другому... – Она замялась, похоже, эти воспоминания даются ей с трудом. Но тут же резко продолжила: – Это папина квартира. Ее разделили после его смерти. Меня отправили в детдом, а половину за мной оставили.

– Подождите, ответчик! Почему разделили? А другая половина?

Лучше Лене не становилось. Душно и гадко.

А картина, кажется, стала вырисовываться совсем другая.

– Гражданка судья, я не хочу про это говорить! Эта... истица, она была женой отца моего. Она его и довела... И квартиру разделила. А меня выжила! Ну, в общем, не надо ничего выяснять. Эта квартира пусть ее будет. Я во всем виновата. Из-за меня и папа... – ответчица замолчала и уставилась в пол.

Лена хотела задать главный вопрос, но дверь тихонько открылась, и на пороге появилась сгорбленная старушка.

Лена посмотрела на Диму – он сосредоточенно записывал последние слова в протокол. К роли секретаря судебного заседания он всегда относился очень ответственно.

– Бабушка, вам кого?

Из открытой двери вдруг повеяло прохладой.

– Вас, дочка! Вы ж судья Кузнецова? – Старушка уперлась строгим взглядом в белый воротничок мантии.

– Да, это я, но сейчас идет судебное заседание. Попрошу вас выйти и не мешать. После процесса я вас приму. – Лена с тоской глянула на часы. Опять переработку себе нашла...

Но бабушка не отступала.

– Я к вам, Елена Владимировна, по этому самому делу и пришла! – Старушка без приглашения прошла в зал и встала напротив стола председательствующего.

Дима приподнялся, чтобы выдворить назойливую посетительницу, но Аня Игнатова, не отрывая глаз от пола, тихо сказала:

– Гражданка судья, это бабушка моя... Я ее просила не приходить, но она настаивает, что может быть свидетелем в суде...

Старушка подалась вперед.

– Да, бабка я ей! Любовь Матвеевна Игнатова. И хочу в этом суде выступать! Так как нет такого закона, чтоб детей на улицу выселять. Коли родители и так обманули! – Любовь Матвеевна грозно сверкнула глазами в сторону Саранкиной, которая все это время, скривившись, наблюдала за диалогом судьи и гостей.

Лена удивленно посмотрела на Аню. Та по-прежнему глядела в пол.

– Ответчик Игнатова, вы ходатайствуете о вызове в суд свидетеля Игнатовой Любви Матвеевны?

Аня Игнатова чуть заметно кивнула.

– Да, ваша честь...

– Ну что ж, хорошо. Возражения есть? Истец Саранкина?

– Ха! У нас демократия, пусть себе брешет! – передернула плечами истица.

– Тогда вам слово, свидетель. Объясните, где проживает Анна, ваша внучка, и гражданка Саранкина и как квартиры расположены по отношению друг к другу...

Лена взяла карандаш и принялась чертить прямоугольники друг над другом, пытаясь воссоздать некое подобие плана БТИ.

Кстати, именно его почему-то в деле и не оказалось.

Впрочем, это было и необязательно.

По новому Гражданско-процессуальному кодексу судья вообще может рассмотреть дело с теми доказательствами, что принесли в суд истец и ответчик, не запрашивая у сторон иных бумаг и документов. В случае, если представление необходимых доказательств затруднительно для сторон и других лиц, участвующих в деле, суд по их ходатайству оказывает содействие в собирании и истребовании доказательств.

– Точнее, я ей не бабка, а прабабка, – начала свой рассказ Любовь Матвеевна. – Внук мой, Анин отец, когда сошелся с этой вот Саранкиной, про дочку-то совсем позабыл. Загулял, запил с молодухой-то. Ну его и лишили прав на Аннушку. А часть квартиры за ней закрепили, значит. Аню в детдом, соответственно... Мне ее не дали! Старая, сказали. В общем, некому было за Анюту заступиться. Но добрые люди нашлись. Из опеки из нашей Марина Валерьевна помогла, через прокуратуру и суд заставила квартиру поделить! Так как там раньше и было две двушки. Внук мой, Анин отец, их объединил, а теперь разъединили. Ане эту оставили как закрепленное жилье... А в восемнадцать лет она из детдома вернулась. Вселилась. Так вот жена внука моего, Саранкина эта, и стала Аню прогонять и выживать. Отдай, говорит, мне квартиру! И денег предлагала, и грозила! Потом вот в суд на нее заявила... А Аня-то не виновата, и не заливала она ее! Она ж сирота и так натерпелась от людей всякого зла! Пожалейте вы ее, гражданочка судья!

Бабка замолчала, вытирая платочком набежавшие слезы.

Лена все еще силилась понять архитектурную подоплеку этого дела.

– Гражданка Саранкина, объясните мне, каким образом Игнатова залила вашу квартиру водой, как вы утверждаете. Ведь вы живете на одном этаже. В одной, так сказать, плоскости...

– Ну уж и в одной! – взвизгнула молчаливая до сих пор истица. – Я, можно сказать, любила ее по-своему... А она неблагодарная тва... То, что живем мы в одной квартире, еще не дает ей права мне имущество портить!

– Ой, мамочки родные! Портить! Какое имущество? – Бабка замахала руками. – У ней все имущество-то рухлядь, от внука моего ей перешедшая! Не слушайте вы ее, ваша честь, врет она все! Не было там никакого потопа, и воды никакой не было! Выдумки это все ее, чтоб квартиру отобрать у падчерицы!

Лена озабоченно разбирала документы – целую кипу оценок, счетов, квитанций.

Наконец она выудила подколотые к исковому заявлению акты.

– Поясните, истец, кто составил этот и еще два акта о заливе вашей квартиры. – Лена пыталась разобрать фамилию и подписи.

Только сейчас она обратила внимание, что акты, составленные с разницей в несколько недель, написаны как под копирку, да еще и одним почерком.

– Представители жилконторы. То есть дирекции единого заказчика нашего муниципалитета, – проскрипела Саранкина.

– Ох, ты! – всплеснула руками старушка Игнатова. – Так ты ж и есть твоя жилконтора! Знаем мы твою дирекцию! Ваша честь, этот ее заказчик, инженер главный, Кондратьев Женька! Полюбовник ейный! Тьфу!

– Вы подтверждаете, что все три акта составил Кондратьев? – продолжила Лена атаку на истицу.

– Ну и составил! А что ж? Это его обязанность – следить за порядком на вверенной территории и помогать жильцам!

– А кто их писал? Я спрашиваю, кто? Исковое заявление распечатано на принтере, а вот это приложение с описанием стоимости имущества писали вы, истец?

Саранкина с вызовом вздернула подбородок.

– Да, писала! Потому что имущество денег стоит!

– Тогда объясните мне, почему приложение и акты написаны одним почерком. Кто писал акты? – Лена развернула бумаги лицевой стороной к Саранкиной.

Та вдруг заерзала и пошла на попятную.

– Не помню я, кто их там писал...

– Понятно. – Лена положила документы. Сомнений у нее не осталось.

Но есть правила, которые надо соблюдать, даже если ты поймал мошенника с поличным.

– Анна! Ответчик Игнатова! Вы подтверждаете слова свидетеля – вашей прабабушки? – Кузнецова подалась вперед, словно пытаясь помочь этой затравленной девушке найти нужные слова.

– Да, я все подтверждаю, – не поднимая глаз от пола, тихо сказала Анна. – Я не заливала ее. Она мне сразу сказала, как я из детдома домой вернулась... что не отстанет от меня, пока... пока... к отцу не отправит. – Она наконец вскинула свои глаза, полные слез и ненависти, на мачеху.

Стараясь быть спокойной, Лена взяла карандаш и заштриховала все квадраты на своей схеме.

– Уважаемые стороны. В связи с возникшими сомнениями суду необходимо обсудить сложившуюся ситуацию, – бесстрастно сказала она. – Суд обязан на всех стадиях процесса прилагать все усилия к мирному разрешению возникшего гражданско-правового спора. В настоящий момент, учитывая показания свидетеля и наличие между вами определенных личных отношений, возможно, и не самых лучших, а также в связи с возникшими сомнениями относительно подлинности представленных истцом доказательств и необходимости проведения не только почерковедческой, но и сантехнической экспертизы, суд еще раз предлагает сторонам рассмотреть возможность завершения дела миром. Либо... – Лена сделала эффектную паузу и постаралась вложить в свой взгляд всю пристрастность к истице, – отказаться от этого иска.

Для убедительности она хлопнула ладонью по актам.

– Отказаться от иска?! – взметнулась Саранкина. – С чего это?!

– Как хотите. Суд даст оценку всем доказательствам. Для проверки достоверности имеющихся в деле доказательств я вынуждена буду поставить на обсуждение вопрос о назначении почерковедческой и сантехнической экспертизы. – Лена первый раз улыбнулась Саранкиной. Она называла про себя эту язвительную улыбочку «оскал старухи Фемиды». – А если экспертиза докажет идентичность почерка на приложении и актах, суд имеет право передать дело в Следственный комитет. И тогда вы, гражданка Саранкина, уже не сможете отрицать факт мошенничества. Но пока решение по делу не принято, у вас есть возможность избежать уголовного преследования...

– Я отказываюсь, – промямлила Саранкина.
– Что вы сказали, истец? – Лена сделала вид, что не расслышала.
– Я забираю... ну то есть отзываю иск. Отказываюсь я! Пусть живет себе! – взвизгнула истица и уткнулась лицом в ладони, ее плечи затряслись.

Дима перестал записывать и посмотрел на Лену.

Саранкина рыдала, ответчик Аня растерянно хлопала ресницами, свидетель Любовь Матвеевна что-то отчаянно шептала правнучке. А Лена...

Лена торжествовала.

Чем-чем, а уж своей беспристрастностью федеральный судья Елена Владимировна Кузнецова похвастаться сегодня не могла.

* * *

День прошел как всегда.

Я разбирала дела, готовилась к предстоящим судебным заседаниям...

Вентилятор, который купил Дима, существенно облегчил существование, но к вечеру я все равно чувствовала себя вымотанной из-за жары и духоты. Не помог даже зеленый чай с тортом-мороженым «Волшебство», который я купила в честь приобретения вентилятора.

Не знаю, как с Димой, а со мной волшебства не произошло – мороженое казалось теплым и слишком сладким, а чай с жасмином заставил подставить лицо под прохладную струю вентилятора.

– Это опасно, Елена Владимировна, – покачал головой Дима. – Простынете.

Он с пульта убавил скорость вращения лопастей, струя стала мягкой и обволакивающей, а я вдруг подумала: неужели мой помощник всегда живет по правилам и никогда не делает глупостей? Неужели ему не хочется... допустим, нарушить правила и вжарить сто двадцать там, где стоит знак – скорость сорок? Неужели его никогда не тянет заесть сгущенку соленым огурцом, закрутить роман с поп-звездой или пройтись босиком по снегу с риском простыть?

Впрочем, мне тоже – не хочется и не тянет...

Я тоже не люблю нарушать правила и делать глупости. Наверное, наши головы примерно одинаково устроены – они просчитывают последствия поступка до того, как возникает желание пойти на поводу у сиюминутного порыва.

В отличие от Натки...

У нее сначала возникает сиюминутный порыв, и что интересно – поддавшись ему и огребая по полной программе последствия, она тут же радостно отдается следующему порыву... Иногда я даже завидую сестре. Мне кажется, что ее умение не включать голову пусть и добавляет проблем, но делает жизнь насыщенной и прекрасней. Волшебства, одним словом, в ней больше... Учитывая, конечно, что ее проблемы решаю я.

Я налила себе кофе, положила в него мороженое, и этот напиток мне показался более подходящим для душевного вечера, чем пресловутый зеленый чай.

Кстати, о Натке. Уже конец рабочего дня, а Таганцев все не звонит.

Не успела я протянуть руку к своему телефону, как он зазвонил, услужливо высветив надпись «Таганцев».

– Душа моя, Константин Сергеевич, я уже тебя потеряла, – ответила я.

– Заработался! – отрапортовал лейтенант. – Счет времени потерял.

– Номер пробил?

– А как же! Потому и звоню. Тут вот ведь какое дело получается, Елена Владимировна...

Номер, с которого звонили вашей сестре, принадлежит коллекторскому агентству.

– Вот как? – удивилась я.

Я знала, что коллекторские агентства покупают за проценты долги у банков, что работают там ребята жесткие, специально обученные, как морально давить на должников, а некоторые коллекторы не гнушаются и физических расправ. По телевизору один за другим идут сюжеты – должник попал на больничную койку со сломанными ребрами; избили, угрожали, а недавно и вовсе должника похитили, требуя от родственников возместить пятьсот тысяч рублей.

Конечно, не все агентства такие, некоторые работают исключительно внушением и вызыванием к совести, но... правильно говорит Дима – где вы видели заемщика, который краснеет, проходя мимо банка.

Менталитет наш такой, что угрозы действуют эффективнее, чем обращение к совести, поэтому в большинстве своем коллекторы – ребята бандитского вида с плохими манерами.

И никакого толку нет от того, что народ уже изучил: коллекторы действуют незаконно, их можно обвинить в вымогательстве... Коллекторские агентства все равно продолжают существовать, выбивая деньги в прямом смысле слова – кулаками.

И как бы я плохо ни относилась к людям, которые берут кредиты, не зная, как будут их отдавать, к сломанным ребрам и похищениям я отношусь еще хуже, особенно если это имеет отношение к моей семье.

Расценив мое молчание как замешательство, Таганцев спросил:

– Елена Владимировна, может, Ната когда-нибудь паспорт теряла? Есть аферисты, которые на этом специализируются – крадут паспорта и берут на чужое имя кредиты.

– Нет-нет, не теряла, я бы об этом знала...

– Тогда, может, давала кому-нибудь? Надолго!

– Не думаю, что Натка до такой степени сумасшедшая, – пробормотала я, думая как раз наоборот: и паспорт она могла в чужие руки отдать, и потерять, а мне ничего не сказать. Подумаешь, паспорт! Не губная помада же...

– Да-а, – протянул Таганцев, – мутное дело... Знаете что, Елена Владимировна... А хотите, я съезжу в это агентство и потолкую с ребятами, так сказать, на доступном им языке?

– Нет-нет, погоди. Торопиться не будем, чтобы дров не наломать. Я с Наткой сначала поговорю... с пристрастием.

– Привет ей от меня передавайте... – По голосу я поняла, что Таганцев расплылся в блаженной улыбке. – Тоже с пристрастием! А то смотрите, я прям сейчас могу объяснить, кому надо...

– Спасибо, душа моя. Обязательно попрошу тебя это сделать, только чуть позже...

Я нажала «отбой» и тяжело вздохнула, глядя в окно. Дима уже ушел, предусмотрительно оставив вентилятор работать в режиме «лайт». Хочешь не хочешь – нужно выбираться из прохладного кабинета в раскаленный салон машины.

Я допила кофе с мороженым, выключила вентилятор, взяла портфель и, собравшись с духом, вышла...

Предстоял второй этап переговоров с Наткой, и я попыталась настроить себя на спокойную и конструктивную волну.

Словно перед судом.

* * *

Как я и предполагала, Натка не смогла долго страдать.

Она встретила меня с распущенными волосами, покрашенная, в фиолетовых лосинах и розовой кофточке-разлетаке. Правда, в глазах у нее я заметила некое подобие вины... Такими бывают глаза у собаки, которая в отсутствие хозяина сгрызла диван.

Ощущение, что Натка все-таки чувствует себя виноватой, подтвердилось невиданной хозяйственностью сестры – она нажарила целую гору котлет, чего с ней в моем доме отродясь

не случилось, сварила борщ и купила к чаю огромный торт с шоколадными розами. Торт торжественно стоял в центре обеденного стола и не позволял мне начать разговор на повышенных тонах.

– Ле-ен, – заискивающе протянула Натка, когда я разделась и обессиленно села на диван. – Ле-ен, тут Сенька...

Ага, значит, вина не из-за того, что я решаю ее проблемы, а из-за Сеньки, который...

– Опять клавиатуру колой залил? – устало поинтересовалась я.

Сенька регулярно что-то ломал в компьютере, а я регулярно это меняла.

– Нет, Лен, он эту твою Австралию на потолке из водяного ружья расстрелял.

– Ну и ладно, – пожала я плечами. – Подумаешь...

– Лен, он кетчупом ее расстрелял...

Я вскочила и пошла на кухню. На потолке рядом с благообразной Австралией краснели безобразные пятна, словно на моей кухне резали барана и брызги крови попали на потолок. Некоторые пятна были размыты и от этого казались еще безобразнее.

– Я оттереть пыталась, – объяснила Натка жалобным голосом. – Только не берет ничего кетчуп этот проклятый. Наверное, там химии много...

– Зачем кетчуп в водяное ружье совать?! – я едва не сорвалась на крик, забыв про свой спокойный и конструктивный настрой.

– Я... я тоже сына об этом спросила. Он говорит – экспериментировал. Сенька! – закричала Натка. – Иди сюда, сейчас сам все тете Лене объяснять будешь!

Зашел Арсений, несчастный, хлюпающий носом, с потупленным взглядом и ярко-красным правым ухом – видимо, экзекуции после своих экспериментов он подвергся за минуту до моего прихода. В руке Сенька упорно держал водяное ружье.

– Ладно, – махнула я рукой. – Все равно мне потолки надо белить... Давайте ужинать, что ли.

Сенька оживился, повеселел, с гиканьем умчался к компьютеру и вернулся, только когда мы с Наткой накрыли на стол.

Борщ показался мне восхитительным – сестра умела готовить. Котлеты были слегка пересолены, но шутить насчет очередной влюбленности Натки я не стала – не дай бог, в точку попаду, придется выслушивать длинный перечень достоинств объекта ее вожеления, а у меня к ней серьезный разговор.

Мы лихо умяли полторта, отдав Сеньке со своих кусков шоколадные розы.

– Даже не думай! – пригрозила я племяннику, поймав его взгляд на банке с ярко-желтой горчицей.

– Так все равно же потолки белить, – заканючил Сенька, тут же получив звонкий подзатыльник от матери.

– Иди лучше компьютер доламывай, – сказала я племяннику, и он умчался, прихватив с Наткиной тарелки кусок торта.

– Нат, Таганцев выяснил, кто тебе угрожает.

– Кто?! – округлив глаза, выдохнула сестра. – Киллеры?

– Коллекторы.

– В смысле... Какие лекторы? Я здесь при чем?

– Коллекторскими агентствами называются фирмы, которые выбивают кредиты из должников. Давай успокоимся и хорошенько вспомним – ты точно не брала никаких кредитов?

Я разговаривала с Наткой тихо и ласково, как с ребенком, нет, как с больным ребенком, которого надо уговорить, убедить сделать укол. Я хотела заставить ее вспомнить, как однажды, поддавшись бездумному порыву, она взяла в банке кредит, потратила деньги и тут же забыла об этом, как всегда забывала о чем-то обременительном и неприятном.

– Лен, я спокойна, я абсолютно спокойна, – дрожащим голосом сказала сестра. – Но если бы я взяла деньги, я бы на что-то их потратила! В последнее время я покупала только губную помаду и одежду сыну...

Одежда, появившаяся у Сеньки в последнее время, не тянула даже на несколько тысяч рублей, а вот помада...

– В каких магазинах ты покупаешь косметику? – нахмурилась я.

– Ты издеваешься?! – Натка вскочила. – Да не брала я никаких кредитов! Не бра-ла! – Она стала размашисто креститься, слева направо и справа налево, потом вдруг бросилась к фиалке на подоконнике и зачерпнула из горшка щепоть земли. – Не брала! Клянусь! Вот, землю готова есть!!!

Я с любопытством смотрела, съест она землю или нет...

Натка бросила щепотку обратно в горшок, отряхнула руки и отрезала себе внушительный кусок торта.

– Ладно, верю, – вздохнула я. – Значит, объяснение этому только одно. Ты паспорт теряла?

– Нет.

– Кому-нибудь его надолго давала?

– Нет!

– Может быть, теряла или давала, но позабыла?

– Лена, ну я не совсем дурочка... Иногда, конечно, я бываю беспечной, но в общем и целом... – Натка обиженно надулась и, заедая стресс, откусила большую часть от куска торта.

– Тогда начнем сначала, – сказала я тоном, которым веду заседания. – Где твой паспорт?

– В сумке! – Натка поперхнулась от возмущения и закашлялась. – Мой паспорт всегда лежит у меня в сумке. Всегда! Потому что без него сейчас – никуда. Любой полицейский на улице документы попросить может. Если паспорта нет, прямая дорога в кутузку.

– Правильно мыслишь, – похвалила я. – Неси сумку.

Натка секунду смотрела на меня потрясенно, с перемазанным кремом ртом, потом вытерла губы салфеткой, сходила в коридор и принесла объемную сумку-баул из блестящей кожи.

Я забрала у нее баул, бесцеремонно порылась в нем и почти сразу наткнулась на документ, запакованный в аккуратную кожаную обложку с выдавленным названием «Паспорт».

Вот уж не ожидала от Натки такого бережного отношения к документу...

На всякий случай я открыла его, чтобы удостовериться, что это ее паспорт, а не прихваченный по ошибке у какого-нибудь сослуживца.

– Ну? – укоризненно спросила сестрица, глядя, как я придирчиво рассматриваю ее фотографию. – Похожа? – Она повертелась вправо-влево, демонстрируя точеный профиль.

– Копия, – буркнула я. – Сумку на работе где бросаешь?

– Ни-где! – торжественно провозгласила сестра. – Она всегда при мне. Я даже в туалет с ней хожу.

Такую предусмотрительность тоже трудно предположить в Натке, но пришлось верить ей на слово.

– Тогда тащи бумагу и карандаш.

– Зачем?

– Будем поименно выписывать твоих коллег.

– Да чего их выписывать-то? Со мной в комнате только Иришка сидит, ей неделя до декрета осталась, и Марь Ивановна. Она бы давно на пенсию вышла, только замену ей уже лет пять найти не могут...

– Они могли твой паспорт потихоньку вытащить и кредит по нему взять?

– У Иришки муж богатый, ей кредиты на фиг не нужны, а Мария Ивановна – божий одуванчик, она честная до посинения...

Я не знаю, что такое честная «до посинения», но определение «божий одуванчик» меня убедило. Представить себе милую старушку с обаятельным именем Мария Ивановна роющейся в Наткиной сумке, а потом резво несущейся брать кредит было трудно.

– Ладно, тогда идем дальше. Где ты бывала в последнее время? С какими подругами встречалась?

– Какие подруги, Лен! У меня времени нет.

– Почему нет? – насторожилась я. Натка не страдала дефицитом свободного времени, работала с десяти до шести и могла посвящать себе утро и вечер.

– Ну, Лен...

По тому, как она замялась и отвела глаза, я поняла, что напала на верный след.

– Это очень и очень личное...

– Ты дома ночуешь? – жестко спросила я.

– А где? – взвилась сестрица, но тут же стушевалась и опять отвела глаза. – Ну, разве что когда Сенька у тебя был...

Судя по тому, что Сенька в последний месяц ночевал у меня почти через день, Натка ни в чем себе не отказывала.

– У тебя роман? – усмехнулась я.

– Я полюбила, – трагически вздохнула она. – По-настоящему.

Вот как. Значит, раньше она любила не всерьез, и все ее страсти яйца выеденного не стоили...

– Кто он?

Наверное, я слишком жестко это спросила, потому что Натка, сложив на груди руки, сказала, будто оправдываясь:

– Очень приличный человек, очень! Близкий друг нашего шефа.

– Как зовут приличного человека?

– Владислав Викторович. Владик...

– Владик. Отлично! Очередной хмырь, который ездит тебе по мозгам...

– Он не хмырь! Я же говорю, Владик друг моего шефа! Очень солидный, умный мужчина – просто верх порядочности и серьезности!

– Такой же, как твой Лешик?

– Сравнила божий дар с яичницей! Лешик – подлец, и я сразу об этом знала!

– Знала и так долго нервы себе мотала?

– Дура была. Думала, он образумится.

– В смысле разведется...

– И это тоже. Только даже если б и развелся, ничего бы у нас не получилось.

– Это еще почему? – удивилась я, помня бурный роман Натки с пузатым Лешиком.

– Потому что он импотентом стал! Вдруг – бац! – и как отрезало... Никакой личной жизни. Но я бы даже и это пережила, так ведь он ревновать меня начал! К каждому столбу!

Я рассмеялась, представив, как плешивый пузатый Лешик мечет громы и молнии, глядя на Натку, которая во всей своей красе проходит по улице, ловя восхищенные взгляды тридцатилетних накачанных «столбов».

– Значит, Владик не такой... Он не женат, не ревнив, в хорошей физической форме, да еще и богат?

– Да, – скромно потупилась сестрица. – Я в паспорт его тайком заглянула – печать о разводе стоит. У него пентхаус на Ленинском, евроремонт, дорожные часы, ботинки из кожи питона, дизайнерский костюм и три машины – «Лексус», «БМВ» и «Мерседес»! А еще он с шефом нашим дела какие-то крутит!

– Аргумент, – усмехнулась я.
– У нас не отношения – а сказка!
– Вернемся к нашим баранам. Получается, что ни Владик с тремя машинами, ни сослуживцы украсть на время твой паспорт не могли.
– Лена! – Натка вытаращила глаза. – Владика только не впутывай...
– Я и не впутываю. Но предупреждаю, коллекторы – ребята конкретные. Случается, что разговаривают с помощью кулаков.
– Ой!
– Вот тебе и «ой». Придется мне оперов подключать, чтобы внешность твою не подпортили...
– Мамочки...
– Да, опять использование служебного положения, но делать нечего. Ты хоть скажи, сколько денег с тебя требуют, чтобы мне знать, за что страдать.
Натка посмотрела на Австралию, обляпанную со всех сторон кетчупом, и зажмурилась.
– Сколько? – повторила я свой вопрос.
– Лен...
– Сколько?!
– Два.
– Чего?
– Миллиона...
Я схватилась за сердце, ощутив, что оно ухнуло куда-то в желудок.
– Рублей, Лен!
– Рублей, – прошептала я. – Всего лишь рублей...
Я вдруг начала икать – безудержно – и все не могла никак остановиться. Натка налила в стакан воды и, заботливо придерживая его, дала мне напиться.
Икота отступила, перестав сотрясать мое тело. И сердце вроде вернулось на место.
– А еще, Лен... – пробормотала Ната, – Сенька в ванне кораблики пускал и... соседку снизу залил. У нее обои отслоились и ламинат вздыбился. Ты ей теперь пять тысяч должна.
Ламинат вздыбился... У меня появилось ощущение, что Натка добивает меня лежачую.
– Я отдам, Лен, – прошептала сестра. – Постепенно...

В полночь, когда я, напившись валерьянки, пыталась заснуть, ко мне подошла Натка в короткой полупрозрачной ночнушке, села на край кровати и спросила:

– Лен, ты Таганцева будешь просить о помощи?
– Угу, – буркнула я в подушку, потому что сил на разговоры у меня больше не было.
– Ну, тогда я спокойна. – Натка улыбнулась в темноте, я это почувствовала по ее голосу. – Лейтенант Таганцев, он такой... такой... Настоящий гардемарин! За честь женщины жизнь отдаст.

– Слушай, отчего это Константин Сергеевич должен за тебя жизнь отдавать? – От возмущения я даже села в кровати.

Наткино лицо светлело в темноте, и, ей-богу, его озаряла мечтательность. О лейтенанте Таганцеве грезилась моя сестра в данный момент, так я понимаю...

– Я же образно выразилась! – поспешно поправились Натка. – Я в том смысле, что если он возьмется за дело, то мне опасаться нечего, он до правды докопается. Лен, скажи, Константин за тобой ухаживает?

– Он за всеми ухаживает, – ответила я, но потом подумала, что незаслуженно записываю Таганцева в Казановы. Он мужик свободный и многое может себе позволить.

– Это потому, что ему женщина настоящая еще не попала, – вздохнула Натка.

– Как ты? – усмехнулась я.

– А что? Я, может, глупости иногда и делаю, но только по доброте душевной. Если б Таганцев поближе узнал меня...

– Подожди, а как же твой суперположительный Владик? – опять возмутилась я. – У вас же отношения – сказка.

Натка немного подумала, а потом заявила:

– Владик, конечно, хороший, но... не гардемарин.

В ее устах это прозвучало как знаменитое «не орел», поэтому я расхохоталась.

– Натка, иди спать, ты меня доконаешь сегодня!

– Скажи, Лен, а Таганцев всегда с пистолетом ходит? – прошептала Натка.

– Уйди! У тебя мозги на одну сторону свернуты.

– Значит, всегда, – вздохнула мечтательно Натка и ушла – вернее, упорхнула, как бабочка, оставив после себя едва уловимый аромат духов.

* * *

Солнце жарило сегодня как-то особенно сильно, и спасения от него не было даже на теневой стороне – воздух и там раскалился так, что нечем стало дышать.

А ведь еще далеко до полудня...

Таганцев пошире распахнул ворот рубашки и расстегнул еще одну пуговицу – учитывая раскрытые настежь окна его «девятки», это все, что он мог себе позволить в такую жару.

По идее, его должно обдувать, хотя бы чуть-чуть, пусть даже теплым воздухом, но «девятка» большей частью не ехала, а стояла в пробке, и солнце нещадно раскалило ее старый кузов.

Константин не то что завидовал водителям, наслаждавшимся за закрытыми стеклами прохладой кондиционеров, нет – они его просто немного раздражали. Вон на светофоре зеленый зажегся, а водитель «Вольво» впереди словно заснул, наверное, музыку слушает или по телефону болтает, жара его не доканивает, поэтому и не к спеху ему...

Таганцев сыграл на клаксоне агрессивный марш, «Вольво» тронулась, проехала несколько метров, миновав перекресток, и снова уперлась в непроходимую пробку.

Пива бы сейчас, тоскливо подумал Константин. Пива, да на берег какой-нибудь речки, чтоб не дышать городским смрадом, не видеть бесконечной вереницы машин. Вот куда все, спрашивается, прутся? Разве может такое быть, чтобы тысячам, сотням тысяч людей в этот жаркий день понадобилось тащиться в разные концы Москвы по неотложным делам? Для нормального человека сейчас может быть только одно неотложное дело – пиво и на речку... Впрочем, оттого, наверное, и пробки, что все с пивом на речку едут, и только он, лейтенант Таганцев, в душной «девятке» тащится «короткими перебежками» на какую-то Машиностроительную улицу, от одного названия которой спирает дыхание, а лицо и спина еще больше покрываются потом.

Никакие обстоятельства не заставили бы его ехать в такую жару на эту улицу – только приказ начальства и... просьба Елены Владимировны. Причем просьба Кузнецовой даже в большей степени, чем приказ, потому что доверить свою деликатную просьбу Лена могла только ему. Таганцев понимал это и даже испытывал если не чувство гордости, то ощущение какой-то трогательной признательности, словно на него возложили роль батюшки, которому можно исповедаться.

Так что он найдет эту Машиностроительную. Обязательно найдет, даже если живьем зажарится в «девятке» и помрет от недостатка пива в крови.

Ради такого случая следовало бы надеть форму, но китель сделал бы его существование и вовсе невыносимым, поэтому Таганцев позволил себе штатское – легкие брюки и бежевую

рубашку с коротким рукавом. Ничего, он и без формы доходчиво объяснит, кто он такой и откуда у его проблемы «ноги растут».

Ему удалось беспрепятственно проехать метров двести и даже разогнаться до восьмидесяти километров, как вдруг он заметил, что пропустил поворот.

В сердцах ударив кулаком по рулю, Константин притормозил у обочины.

В отчаянии он схватил пластиковую бутылку и вылил остатки газированной воды себе на голову.

– Болван, – обругал он себя, со скрежетом развернулся и погнал в другую сторону, благо что пробка чудесным образом рассосалась.

Он найдет Машиностроительную, найдет, потому что, кроме него, для Елены Владимировны это больше некому сделать, и он словно воочию видел ее глаза, когда она по телефону просила его «разобраться, все выяснить и расставить все точки над i». Понимал, что ей очень трудно просить – ведь ему надо тратить время, бензин и использовать служебное положение, – но она должна это сделать, чтобы спасти сестру.

– Получается, что ты моя служба спасения, – виновато сказала она.

– Не вопрос, Елена Владимировна, – ответил Таганцев. Он хотел сказать ей что-нибудь теплое и ободряющее, но... не нашел подходящих слов.

Вот Натке бы он сказал... С ней можно по-простому, не подбирая особо красивых слов, не формулируя правильных предложений. Например, «не бойсь, прорвемся!», или «ради тебя я всех урою», или «не дрейфь, Натуля, я – Бэтмен». И Натка поняла бы все правильно, улыбнувшись своей бесподобной улыбкой.

Натка казалась Таганцеву красавицей невероятной... Фигура, лицо, серебристый смех...

Елена Владимировна, безусловно, тоже красавица, но в ней нет той веселой безрассудности и импульсивности, которая так заводит, бодрит и сводит с ума. С Еленой Кузнецовой хочется застегнуть все пуговицы и цитировать классиков, а вот с ее сестрой...

Натке так и подмывает сказать: «А давай в Сочи махнем! Дикарями!» Про Сочи, конечно, он загнул, на Сочи копить и копить, а вот под Курск, да на рыбалочку, да на недельку, а то и две, с палаткой... Он уверен, что Натка не будет жаловаться на комаров и ныть по поводу отсутствия душа.

Эх!

В общем, он очутился за городом, там, где было указано на карте.

– Да что же это такое!

Притормозив, Таганцев огляделся.

Заметив неподалеку продуктовый киоск, он подошел к продавцу.

– Скажите, уважаемый, вы тут Машиностроительной улицы поблизости не наблюдали?

– Наблудал! – с готовностью ответил продавец с внешностью гастарбайтера. – Сто мэтров назад, напрыво и дэсять мэтров впэред до знака тупык.

– Родной! Спасибо... Ни за что не нашел бы... – В знак благодарности Таганцев купил у него блок сигарет и бутылку «Нарзана».

За поворотом «напрыво» действительно стоял знак «тупык».

Тупиком оказалось высокое, длинное здание, напоминающее тюрьму. Для полного сходства не хватало колючего забора – вместо него вдоль всего фасада тянулась вереница припаркованных машин. Таганцев слышал, что такие высотки, огромные площади которых сдают в аренду разным фирмам, называют «Пентагоном».

Он с трудом нашел место для своей «девятки», выпил полбутылки минералки, перевел дух и пошел искать нужную ему фирму.

К его удивлению, со стороны, которую он принял за фасад, не обнаружилось ни одной двери – только вывески со стрелками направо и налево: «Стальные двери», «Цветы оптом», «Семена», «Канцтовары оптом». У Таганцева в глазах зарябило от этих табличек и стрелочек.

Пришлось обходить бесконечную стену «Пентагона» – это было делом долгим и трудным, спина взмокла, рубашка прилипла, сердце отплясывало гопака, а в ногах появилась непривычная дрожь.

«Чегой-то сдаешь ты, парень, – усмехнулся про себя Константин. – Подумаешь, два с половиной часа на жаре...»

С торца территория «Пентагона» граничила с милым двориком, где росли акации, прогуливались мамы с колясками, на качелях качались дети. Не хватало только бабушек на лавочках, впрочем, одна все же нашлась – она лузгала семечки, кутаясь в длинный тулуп. На ногах у старушки были высокие черные валенки.

– Не жарко? – полюбопытствовал у нее Константин Сергеевич.

– Жалко у пчелки в... – зыркнула она на него недовольно.

– Понял, отстал, – перебил ее лейтенант.

– Лучше б лавочку починил, бездельник! – сварливо сказала бабка.

– Починю, – пообещал Таганцев, – сейчас, беркутов своих отловлю и сразу же починю...

– Смотри, а то я жалобу в полицию на тебя напишу, – пригрозила старушка.

Видимо, коллекторское агентство «Зоркий беркут» не стремилось себя рекламировать, потому что вывеска у него была очень маленькая и незаметная. Никаких тебе рекламных слоганов и стрелочек, указывающих, куда идти.

«Надеюсь, что лифт работает», – про себя усмехнулся Таганцев, представив, что придется пешком подниматься по лестнице.

Но лифт не понадобился – этаж оказался первым. Константин постучал в металлическую дверь, потом, заметив звонок, позвонил.

– Кто? – рявкнул бас в домофон.

– Дед Пихто, – буркнул Таганцев. – Откройте, полиция!

В двери что-то щелкнуло, и она открылась, словно подчиняясь волшебным словам «сим-сим»...

Внутри было светло и прохладно. Кремовые жалюзи на окнах смягчали пронзительное солнце, на стене висел огромный плакат, изображающий беркута с крысой в клюве, а за большим столом сидела милая секретарша в очках.

Таганцев даже замер в недоумении – она, что ли, басом рявкала?

– Что вы хотели? – мелодичным сопрано спросила девушка.

– Мне бы вот, – Константин кивнул на плакат с беркутом, – с самым зорким поговорить.

– Вам назначено? – Секретарша тревожно встала, и ее пальцы забежали под столом, отыскивая, по всей видимости, тревожную кнопку.

– Отставить, – устало сказал он, доставая удостоверение и рывком распахивая его перед носом у секретарши. – Лейтенант Таганцев! – гаркнул Константин самым мерзким голосом, который только умел делать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.